

Колай Мартын

Относительно третьего лица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Колай Мартын

Относительно третьего лица

«Автор»

2026

Мартын К.

Относительно третьего лица / К. Мартын — «Автор», 2026

Главный персонаж учится в седьмом классе советской средней школы, отпускает на свободу пойманных тритонов, впервые влюбляется, дерётся с известным хулиганом района, спасает забугорных муравьёв, избивает Деда Мороза.

© Мартын К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Колай Мартын

Относительно третьего лица

Глава

Человек, изучающий муравьёв, называется мирмеколог. Человек, изучающий человек, называется евгеник. Муравей, изучающий человек, называется .

Человек, изучающий окружающее Пространство, называется экстремалом. Человечи, изучающие Пространство, специализирующиеся в разных и/или в одной из известных наук, называются им учёными.

Муравьи, изучающие окружающее Пространство называются разведчиками. Муравьи, изучающие живых существ, живущих на территории, открытой разведчиками, называются охотниками. Муравьи, разделяющие живых существ, изучаемых разведчиками, транспортирующие добытое знание, называются фуражирами. Муравьи, строящие и ремонтирующие муравейник, называются рабочими. Муравьи, охраняющие и защищающие муравьёв и муравейник от окружающего Пространства, изучающего муравьёв, называются солдатами. Муравьи, следящие за развитием яиц и личинок муравьёв, называются няньками. Муравьи, откладывающие яйца, называются муравьиными царицами, а муравьи-самцы так и называются, - самцы.

Муравьи умеют считать до шестидесяти, но не умеют отделять себя от Пространства.

Человечи умеют производить математические действия с множествами элементов и умеют отделять себя от окружающего Пространства. Вернее, считают, что отделяют себя от Пространства, чтобы взглянуть на Пространство со стороны, чтобы увидеть то, что муравьи не видят.

Мирмекологи смотрят на муравьёв.

Человечи, взглянувшие на Пространство из неизвестного им пространства, часто видят не то, что хотят. Вернее, видят то, что действительно хотят увидеть. Часто, человеки, взглянувшие на сторону, видят муравьёв и решают, что Пространство пусто и единственным существом со сложной нервной системой, умеющим оперировать ассоциативными понятиями, является

Муравьи не видят себя и не мучаются желаниями, угрызениями совести и стремлением к спасению душ изучаемых ими существ. Муравьи не отделяют себя от душ и Пространств. Муравьи считают, что всё, что происходит с ними, - есть Высшая Справедливость и делают то, что умеют. Муравьи альтруисты на всю голову. Не одному муравью не придёт в голову жить, убеждая собратьев по муравейнику в личном избранничестве.

Некоторые человеки проживают жизнь, доказывая себе и окружающим существование того, что объединяет человек и муравьёв, доказывают, что только у них есть то, что есть во всём и во всех.

Муравьи человекам ничего не доказывают. Потому, что у человек есть преимущество, - головной мозг, состоящий из двух полушарий. Многие муравьи живут без глаз и без головного мозга. Муравьи не умеют отделять себя от того, что их объединяет с человеками. Трудно что-то хотеть от живых существ, у которых главный орган их организма разделён на две части, эффективная работа которых требует согласованных действий и отсутствия желаний. Муравьи не знают о существовании абстрактных понятий, которыми мучаются человеки, в надежде спасти то, что и так неотделимо от того, что объединяет все живые существа.

Мирмекологи не отделяют себя от человек, наверное, потому, что смотрят на муравьёв.

Муравьи считают свой муравейник самым справедливым обществом, каждый муравей считает себя Справедливостью, явленной в данном муравьином теле.

У человека есть преимущество, - количество накопленной и осмысленной информации, количества энтропии, существующей на поверхности всех клеток всех человеческих тел.

Двадцать процентов всей биомассы на Земле, - это муравьи. Муравьи обрабатывают накопленную информацию в пределах необходимых действий. Количество энтропии на всех поверхностях всех клеток всех муравьёв имеет значение только для совершенствования этих действий.

Но у человека есть преимущество, - разделённый на два полушария головной мозг. Люди смотрят по сторонам и видят муравьёв.

Муравьи видят только изучаемых существ.

Люди то же считают себя явленной Справедливостью в каждом человеческом теле, - это помогает людям увидеть Справедливость муравьёв и других живых существ.

Люди, умеющие отделяться от Пространства, называются разведчиками. Люди, изучающие живых существ, живущих в открытых Пространствах, называются учёными. Люди, разделяющие изучаемых живых существ, транспортирующие добытые знания, строящие и ремонтирующие дома, называются рабочими. Люди, охраняющие рабочих, учёных, разведчиков и родные муравейники от изучаемого Пространства, изучающего муравьёв, называются солдатами. Люди, вынашивающие и рожающие детей, называются женщинами. Люди-самцы так и называются, - самцы.

Люди обладают преимуществом, - умением оперировать информацией, не относящейся к необходимым действиям.

Память не является преимуществом. Для запоминания информации, не относящейся к совершенствованию необходимых действий, люди затрачивают много лет своей жизни и много нервной энергии. Но для достижения понимания того, что людям впаривают люди, считающие, что отделили себя от Пространства и увидели то, что объединяет людей с муравьями, людям мешают желания, появляющиеся во время согласования деятельности полушарий головного мозга.

Муравьи не изучают ничего. У муравьёв мозг не разделён на полушария. Муравьи считают, что их жизнь, - Явленная Справедливость.

Мирмекологи изучают муравьёв. Евгеники изучают людей. У муравьёв узкая специализация, обусловленная генетически. Люди теряют, забывают, искажают информацию. Муравьи знают всё от первозданного бита до последнего обработанного живого существа. Муравьям всё - едино.

Количество энтропии изменяет гены. Люди меняются медленнее муравьёв. Люди быстрее забывают. Люди много энергии тратят на согласование работы полушарий и на установление и поддержание оптимального режима работы согласовочного инструмента. Муравьи ничего не согласовывают, потому, что муравьи не отделяют себя от того, что их объединяет с людьми.

Муравьи не отделяют себя от памяти. Люди вспоминают. Люди, изучающие память называются . Люди, изучающие начальные файлы накопленной людьми информации, старающиеся понять свои необходимые действия, называются школьниками. Люди, изучающие память, называются . Память находится не в голове. В голове у людей находится некоторое количество вещества. Человек запоминает самые сильные эмоции, создающие в веществе соответствующие обменные процессы. Сильные эмоции рожают сильные обменные процессы в головном мозге. Если бы память находилась в голове, сильные обменные процессы постоянно бы происходили в нейронах и продолжительность жизни сократилась бы до Вспомните тихие, обычные дни. Обычные дни однообразны, как муравьи, как Справедливость, как необходимые действия.

Однообразие утомляет. Организм привыкает к однообразию и останавливается в развитии. Чтобы развиваться, необходима периодизация. Необходимы приключения, воспоминания.

У муравьёв есть преимущество, - муравьи выносливы и сильны. Муравьи выносливее и сильнее людей. Муравьи постоянно совершенствуют свой вид. Куколки новых муравьёв, отклонившихся в своём развитии, муравьи вскрывают и скормливают нормальным личинкам. Развитие качеств, определяющих появление нового подвиг муравьёв, зависит от муравьиной царицы. Муравьёв десять тысяч видов.

Люди совершенствуют согласовочный инструмент.

Муравьи живут в одном, самом Справедливом Мгновении. Муравьи не делят Пространство на расстояния и время. Муравьи не испытывают сильных эмоций. Организм муравьёв работает в самом экономичном и самом эффективном режиме.

Муравьи появились неизвестно откуда.

Фрукты и овощи, которые добывали с боями в магазинах Мама и Бабушка, Мама и Бабушка мыли горячей водой, окатывали кипятком из чайника и до заморозков хранили в ящике за окном кухни.

Папа сказал, что муравьи могли прийти из любой квартиры в нашем доме, придти по трещинам в стенах.

Сестра сказала, что муравьи пришли от её подруги из шестого подъезда. У них муравьи ползают по всей кухне и по комнатам, сожрали все конфеты и пролезли даже в банки с компотом.

Муравьи всех ставят перед фактом своего существования.

Когда муравьи появляются в квартире, считается, что тараканы исчезают. Тараканов стало меньше, но муравьи, наверное, оставляли тараканов для расплода, и колония тараканов кочевала из плиты под раковину, из-под раковины в плиту.

Мама и Бабушка муравьёв выводили всем, чем могли, но муравьи, как Сознательное Пространство, были бессмертны.

Тараканами занималась моя старшая сестра, когда училась в школе. Сестра поступила в институт, и контроль над популяцией тараканов поручили мне.

В сравнении с муравьями, тараканы, - стадо сторчавшихся оглаедев, потерявших последние зачатки головного мозга. Муравьи делали тараканов, как хотели.

Тараканы считались у муравьёв здоровой пищей, потому, что за многие годы муравьи научились отличать настоящую картошку от картошки с борной кислотой и близко не подходили к картофельным шарикам, а тараканам было всё равно. Тараканы ели всё подряд и не умирали.

Муравьи были единственным фактором, сдерживающим размножение тараканов.

Муравьи жили в стене, вылезали из стены сквозь щели и из-под кафельной плитки.

Муравьи и тараканы встречались на водопое.

Муравьи под раковиной разгрызали тараканов на части и изучали, потому, что куски тараканьих тел не пронести сквозь тонкие щели в стене и между кафельными плитками.

Мама или Бабушка часто выметали из-под раковины клубки муравьёв, облепивших таракана, рвущих на части таракана, дёргавшего в агонии лапками.

Моими обязанностями были: изготовление из гнилых картофелин картофельных шариков с борной кислотой, размещение шариков по всей кухне, во всех углах квартиры и натирание чесноком стен вокруг муравьиных нор, когда у Мама и Бабушки руки не доходили до муравьёв из-за стояния в очередях.

Сухой рыбий корм подорожал, на покупку живого мотыля у фарцовщиков Мама денег не давала, мелочи, которую я таскал из кармана папиного пиджака, хватало только на сигареты; спекулянты у зоомагазина покупали гуппи по копейке за рыбку, меченосцев от пяти до

десяти копеек за рыбку, живородящие скалярии рождали редко, барбусы не плодились; мучных червей Мама и Бабушка разводить категорически запретили, переводить на аквариумных рыб яйца, которые Мама и Бабушка добывали в бою, категорически запрещалось и семь месяцев в году тараканы с муравьями были единственным спасением для моих аквариумных рыб. Летом я ходил в парк, на пруд, ловил в пруду дафний и различных водяных букашек, ловил гусениц и мух.

Гуппи, барбусы, меченосцы, скалярии изучали дафний, водяных букашек и мальков гуппи, если я не успевал отсадить беременных самок. Сомики плавали у дна, подбирали останки тараканов и выискивали среди камней и подводных растений спрятавшихся водяных букашек. Рыбки были быстрее и объедали тритонов.

Тритоны, гребенчатый и обычный, которых я поймал прошлой осенью, предпочитали водяных букашек и мальков гуппий. Тритоны оказались головастыми, подающими надежды молодыми учёными. Они изучали не только мальков гуппи, но и взрослых гуппи, если рыбки подплывали к тритонам. Поэтому, я уговорил Папу купить аквариум для тритонов.

Живых муравьёв не рыбки, не тритоны не ели. Вернее, ели муравьёв, утонувших и пролежавших в ловушке, в воде, несколько часов. Каждый день в ловушке тонули несколько разведчиков. Несколько муравьёв оказывались в банке, у приманки, среди паникующих тараканов, которые к вечеру, к моему возвращению из школы, начинали отрывать друг другу ноги и усы.

Человеки, изучающие тараканов, называются учёными. Учёные вынимали тараканов из ловушек мягкими пинцетами, безопасными лезвиями «Нева» или «Ленинград» отделяли от целого тараканьего бита несколько элементов, - ноги, усы и крылья, без которых рыбкам будет легче усвоить необходимые знания. Облегчённый бит учёные разделяли на отдельные папки, удобные для заглатывания, и бросали в аквариум. Тараканьи окорока, отделённые от жёсткой и неудобоваримой конечности, рыбки хватили на лету.

Тритоны усваивали весь материал целиком и прислушивались к себе, лёжа на площадке, на тёплом камне, около лампы. Грот и вышку с площадкой я сделал сам из обломков мраморной плитки.

Трёхлитровая банка с дафниями и водяными букашками стояла под подоконником, за тумбочкой, на которой стоял аквариум.

Солнце, закрытое домом, строящимся на пустыре, светило в мою комнату по вечерам. Параллелограмм солнечного пятна передвигался по стене, по письменному столу и исчезал, пока доползал до аквариума. Аквариумы стояли у стены, напротив моей кровати. Сороковатные лампы целыми днями светили сквозь стеклянную стену внутрь аквариумов. Зимой тритоны сидели внутри грота, вылезали, иногда, на остров, погреться у лампы и слопать по таракану.

Мама вошла в комнату, присела на корточки рядом со мной перед аквариумом с тритонами. Мама наблюдала за тритонами.

- Ты уроки сделал?
 - Письменные вчера. Устные сегодня вечером прочитаю.
 - Папа вечером проверит.
 - Он придёт среди ночи и среди ночи проверит?
 - Он вечером сегодня придёт.
 - Сделал я уроки, Мам.
 - Пока время есть, повторил бы, любишь своими тритонами, расцелуйся ещё с ними.
- Я развернул тряпку, которой протирал снаружи стенки аквариумов, смочил в воде.

Тритоны повернули голову к моей руке и открыли рты.

Я обернул руку влажной тряпкой, взял самку за бока, вынул самку из аквариума и поцеловал.

- Неделю ко мне не подлизывайся.

- Они самые чистые из земноводных. Я воду за год менял всего один раз. - Я положил самку на камень.

Мама вздохнула.

- Пользуйся презервативом. Мама встала. - Завтрак готов. Мама вышла из моей комнаты.

- Ольга, ты снова голой по квартире ходишь!?

- Мама, мы все свои.

- Тебе девятнадцать лет! Ты своим парням презервативы покупаешь! Надень халат!

Моя сестра очень красивая. По утрам сестра, прижав ладони к щекам, с растрёпанными волосами, в расстёгнутом халате ходила по квартире, шлепала по пяткам домашними босоножками, светила своими полупрозрачными, белыми югославскими трусами. Моя сестра самая красивая в мире.

- Ты рыбок кормишь? Ольга заглянула в мою комнату. – Тритоны родили кого? Ольга, халат застёгнут на груди на одну пуговицу, присела на корточки перед аквариумом с тритонами.

Самые красивые ноги, самые красивые сиськи в мире у моей сестры.

- Они разных видов. – Я выливал в ведро сквозь сито воду из банки с дафниями. В сито оставались дафнии и водяные букашки. – Я к ним сомиков подсаживаю, когда яйца больше двух недель сидят.

Я поставил пустую банку на пол, вытряхнул сито в аквариум с рыбками.

Сестра наблюдала за рыбками, постучала пальцем по стеклу аквариума. Рыбки бросились к кормушке, собрались под кормушкой.

Я вылил воду из ведра в банку с дафниями, поставил банку под подоконник. Ольга вглядывалась сквозь увеличилку в аквариумную улитку.

Мама распахнула дверь моей комнаты, встала в дверях, осмотрела Ольгу.

- Завтракать будете одни. Мама оставила дверь раскрытой, ушла в свою комнату. – Умойтесь! Крикнула Мама.

Ольга положила увеличилку на полку тумбочки, на которой стоял аквариум с рыбками, встала, загородила проход, смотрела на меня сверху вниз. Ольга была старше меня на пять лет.

- Я никому не скажу, что ты у меня сигареты стибрил.

Я смотрел на единственную застёгнутую пуговицу халата на ольгиной груди, осторожно поднял глаза.

- Я никому не скажу, что ты куришь такие дорогие сигареты.

Ольга улыбалась. Ольга обняла меня, прижала к себе.

Я уткнулся носом в подгорловую ямку, плечами расплющил Ольгины сиськи, чувствовал, как подрагивают её ляжки, обнял сестру, прижал к себе. Ольга пахла импортными духами, терпким, горьковатым потом и ещё чем-то Я любил её запах.

В обнимку мы с сестрой прошли на кухню. Мы с сестрой любили завтракать неумойками. Если завтракать, не умывшись, окружающий мир остаётся сном, сон постепенно сливается с миром и становится реальностью.

Безформенные солнечные блики дрожали на стене соседнего дома, словно плоские Вселенные, бесконечно расширяющиеся, голографические Вселенные, структуры наших прошлых снов, вокруг которых формировалась видимое Пространство.

Мы с сестрой распугали тараканов.

Тараканы прыгали со стола, метались в раковине, тараканы бросились под плитку, за тумбочку, под раковину.

Муравьи вылезали из щели между плитками и бежали чередой по стене, не обращали на нас внимания.

В нашей пятиметровой кухне было уютно.

Раскладной стол стоял у окна. Сестра сидела лицом к окну. Я любил садиться на её место, и мы с сестрой толкались, отталкивая друг друга от табурета. Ольга прижала меня к холодильнику и запихала в угол, между столом и кухонным шкафом. Мы ржали, толкали стол, толкали кухонный шкаф. Тарелки прыгали, толкались вместе с нами, бились друг о друга, о ложки, в шкафу гремели банки. Тарелка, накрывавшая сыр с колбасой, прыгнула с блюда, вздрагивала всем телом, съехала одним краем, прыгнула на столешницу, открыла ломтики сыра и колбасы. Табуреты шарахались в стороны, но держались на ногах. Домашние шлёпки сорвались с ног. Ложка слетела со стола.

Мы с сестрой уткнулись другу в друга лбами, обнялись. Сестра прижимала меня к стене, давила сверху на плечи. Я сопротивлялся. Я смотрел за провисший халат, на Ольгины сиськи, в Ольгины синие весёлые глаза. Ольгины волосы щекотали лицо.

Моя сестра самая красивая в мире!

- Перестаньте лизаться! Посуду перебьёте! Мама кричала из своей комнаты. Мама смотрела телевизор, по второй программе повторяли вчерашний фильм.

Папа стоял в очереди в мебельном магазине, придёт поздно вечером.

- На три-четыре. Ольга давила сильнее.

Я отклонялся назад над табуретом.

- Три, четыре!

Мы отпустили друг друга.

Ольга выпрямилась, смеялась, взъерошила свои растрёпанные волосы.

- Покраснел-то!

- Ты на свои сиськи посмотри.

Ольга оттянула халат на груди, наклонила голову, подула на грудь, стряхнула с халата на груди пыль, наклонилась ко мне через стол, поцеловала в висок.

- Чур, я с клубничным.

Ольга сняла с плиты кастрюлю с манной кашей. Я открыл холодильник, достал две банки с вареньем: с клубничным и из черноплодной рябины. Ольга поставила на стол кастрюлю с кашей, я поставил банки с вареньем. Мы с сестрой, наперегонки, столовыми ложками, накладывали друг другу, Ольга в мою миску, я в Ольгину тарелку, загустевшую манную кашу.

Пока Ольга ставила на плиту кастрюлю, я отрезал ломоть белого хлеба. Мы с сестрой наперегонки, сделали другу бутерброды. Ольге с колбасой, мне с сыром.

Варенье мы накладывали в свои тарелки сами.

- В холодильнике коробка с творогом. Слопаем пачку?

Ольга перемешивала в своей тарелке манную кашу с клубничным вареньем.

- Объясняться с Мамой будешь ты.

Я открыл холодильник. Двадцать пачек девятипроцентного творога. Мама пять раз встала в очередь.

Я положил на стол пачку творога, поставил на маленький огонь чайник с водой, достал из шкафа банку с растворимым кофе. Кофе поставил на стол, около сахарницы.

Перед моей миской, на мокрой, развёрнутой обёртке, лежал творог, полпачки.

- Я хочу записаться в качалку в твоём институте. Я положил творог в тарелку, на манную кашу.

- Тебя не примут. Ольга слопала почти половину своей каши.

- Тебя же приняли. Я смял обёртку от творога и выкинул в окно.

- В нашу качалку принимают только студентов. А ты восьмиклассник и вегет.

- Ты тоже вегеткой была. Я перемешал кашу с творогом и с вареньем.

- Я заблуждалась. Я была дурой. Ольга встала, поставила в раковину пустую тарелку, достала из сушилки кружки. - Я постилась и испытывала адские муки. Ольга сняла с плиты шипящий чайник с водой, поставила на стол кружки и чайник. - Мясо, - это в кайф.

- Животные тоже испытывают муки, когда их убивают.

- Животные испытывают боль, но не испытывают нравственных мук. Ольга насыпала в свою кружку растворимый кофе. - Животные не осуждают хищников за то, что хищники их едят. Хищники ничего не совершают. Их поступки нейтральны. Ольга, не вставая с табурета, открыла холодильник, достала начатую банку со сгущёнкой, положила в кружку с кофе две столовых ложки сгущёнки. - Если мне в кайф есть мясо, значит я ем.

- Мне не в кайф.

- Мы все, животные и люди, - часть Солнца. Солнечное вещество перемешивается в Солнце, мы перемешиваемся, словно солнечное вещество. Мы ничего не совершаем, мы - сгустки Солнца. Солнце нас понимает, как свою часть. Нас нет и Солнца нет, пока мы не думаем не о чём.

- И меня нет!?

- И меня.

Я что-то не понимал. Я посмотрел в пустую миску с остатками каши на стенках миски, я посмотрел на кружку, на куски сыра и колбасы на тарелке, на сахарницу, на чайник с водой, надавил руками на стол, посмотрел на Сестру, сжал своей рукой её запястье.

- Как же тебя нет, если я тебя люблю?

Ольга опрокинула голову, рассмеялась.

- Поэтому мы есть.

- И твои тоже есть?

- Поэтому ты в качалку решил записаться?

- Я решил им морду набить.

Ольга захохотала, подняла мою руку к своему лицу, прижала мою ладонь к своей щеке.

- Вегеты хорошие ударники. Ольга отпустила мою руку. - Запишись в бокс.

- Подумаю. Я насыпал в кружку растворимого кофе.

Мы с Сестрой два говорящих солнечных сгустка У моей Сестры приятный запах, у моей Сестры приятный голос. Моя Сестра самый красивый солнечный сгусток! Я представлял Сестру всполохом солнечного протуберанца, летящего к Земле и превращавшегося в мою Сестру. Прозрачный, огненный протуберанец уплотнялся, охлаждался, у протуберанца появлялись растрёпанные волосы, весёлые синие глаза, жилистые руки, покрасневшие сиськи, сильные, стройные ноги, которыми Сестра старательно закрывала то, что было между ногами. Протуберанец остывал в космическом пространстве, становился плотнее. В атмосферу Земли Сестра влетела сформировавшейся и самой красивой и сгорела в плотных слоях. Сестра улыбалась и ни о чём не думала. Пепел тела мой Сестры падал в Океан, в Океане рождалась жизнь и выходила на сушу в виде двух тритонов. Тритониха повернула ко мне голову и улыбнулась.

- Я решил их отпустить. Всё равно они не плодятся. Разные.

- Может, самка молодая.

- Она яйца откладывала. Два раза.

Мама сняла трубку со звонившего телефона, который она ставила рядом с собой на диван, когда смотрела телевизор.

Мы с Сестрой пили по второй кружке кофе.

Мама вышла в прихожую, поставила телефон на стиральную машину.

- Хрип, иди, тебя!

Я держал кружку с кофе над столом, держал кофе во рту. Мы с Сестрой переглянулись.

Мама знает моё прозвище.

Я проглотил кофе, поставил кружку, вышел из-за стола, громыхнул табуретом.

- Кто?

- Савёлов. Тебя в школе «Хрипом» зовут?

- Нашу фамилию никто выговорить не может. Вы ещё мне такое имя дали.

- Я люблю остров Кипр.
- Ты там не была ни разу.
- А ты, вообще, с тритонами целуешься!
- Я схватил телефон.
- Савёл, мы же договорились! Ещё почти час!
- Я вошёл в свою комнату, прикрыл дверь.
- Сигареты спиздили.
-
- Я сегодня утром полез, а сигарет нет.
- Савёл, трепач, ты же пиздил, что никто о тайнике не знает!
- У тебя есть?
- Нет!
- У сестры можешь стрелкнуть?
- Нет! Она меня сегодня чуть не отпиздила за сигареты.
-
- А ты у своего отца?
- Мать полку на ключ запирает.
- У тебя сколько денег?
- Нету.
- Значит сегодня без сигарет.
-
- Давай, встречаемся, как договорились.
- Давай.

Я положил трубку на телефон, постоял перед дверью.

Сестра в своей комнате включила проигрыватель, поставила пластинку, которую я уже слушать не мог.

Я вышел из комнаты, поставил телефон на телефонную полку, вернулся в комнату, процедил остатки воды с дафниями, стряхнул дафний в аквариум рыбкам, перелил воду из ведра в банку, выловил сачком тритонов, пересадил в банку.

Ольга бросила курить в прошлом году, когда записалась в качалку. Она закурила на первом курсе института. Мама её выпорола за курение. При Папе задрала Ольге подол халата, стянула с неё трусы и расписала папиным ремнём. Ольга вырывалась, визжала, крутила перед Папой всем, что прятала. Несколько дней Ольга ходила, не поднимая глаз, краснела, когда встречалась с Папой, но курить бросила только на втором курсе института.

В пятницу Ольга пришла домой со своей подругой. Они просидели до вечера. Когда ольгина подруга одевала босоножки, крутилась перед зеркалом, она выболтала все свои тайны: ты настоящая подруга, все, кого я просила, заламывали такую цену, одна ты такая, спасибо тебе Оленька, добрая ты моя, спасла от волнений моих предков, не дня покоя не давали, ты помнишь, по одной пачке каждый день, пока, милая моя, пока не приноси, я тебе или позвоню, или в институте встретимся, пока.

В субботу я пришёл из школы сразу после уроков.

Мама после работы стояла в магазине. Папа на работе. Ольга в институте.

Блок сигарет «Союз-Апполон» лежал в ольгином шкафу, под кучей шмоток.

Чугунный утюг грелся на конфорке на сильном огне. Влажная тряпка лежала на торце блока, на склейке. Раскалённым утюгом я отпаривал шов, несколько раз безопасным лезвием осторожно разъединял склеенные углы обёрточной папиросной бумаги. Чтобы не порвать обёртку, зажал блок в подушке, между коленями. Несколько раз несильно ударил по обратному торцу, перевернул блок открытым торцом вверх, сжал ногтями за углы коробки и медленно, покачивая из стороны в сторону, вытягивал коробку из обёртки. Открыл коробку, достал пачку

сигарет, поставил коробку торцом на пол, натянул обёртку на коробку, сложил углы, склеил, положил в шкаф, позвонил Савёлу, сказал, чтоб приходил за сигаретами. Савёл обещал спрятать сигареты в тайник, о котором никто не знал, даже его сосед, районный авторитетный хулиган.

Я поставил банку в сумку. Тритоны в банке висели на поверхности воды, задравши головы. Я сидел на корточках перед галошницей, развязывал узел на шнурке на кедах. Банка с тритонами стояла у стены, сачок для ловли дафний лежал на полу.

Ольга завела пластинку с начала.

- Лучше бы «Пёрпл» поставила!

- «Синяя» то же, что надо!

- Ты всю неделю их крутишь! Оля, сестричка, поставь, пожалуйста, «Пёрпл»!

Ольга, в одних бигудях и в полупрозрачных югославских трусах, стала в дверях своей комнаты.

- Я Тане дала переписать. Завтра отдаст.

Узел развязался, я надел кед.

- Она тебе всю пластинку запилит-зацарапает. Я завязал шнурок, схватил сачок, поднялся с корточек. - Милая моя, ты одна такая, пока, пока, или позвоню, или в институте. Я поднял сумку с банкой.

- Что с тобой? То морду собираешься бить мастерам спорта, то на взрослых девчёнок наезжаешь.

Я подошёл к Сестре, встал перед ней, поднял голову, смотрел в её глаза, в тёплые синие глаза, в самые красивые глаза в мире.

- Оля, я тебе обещаю, что не буду больше курить. Я поднялся на цыпочках и поцеловал Сестру в подбородок. - Я тебя люблю.

- На войну, что ли собрался? Ольга потрепала меня по голове, улыбалась.

- Тритонов отпускать.

- Когда придёшь!? Мама кричала из комнаты. – Тебе ещё устные учить!

- К двум! Я крикнул в приоткрытую дверь маминой комнаты. - А ты куда? Я разглядывал ольгины сиськи.

- Тебе надо подрасти. Давай, тебя твой друг ждёт. Ольга оттолкнула меня, толкнула ладонью в плечо.

Я отшагнул от Ольги, повернулся, перехватил сумку в правую руку, открыл дверь, вышел на лестничную площадку.

Запах мусоропровода есть. Вёдра, на которых белой краской было написано «для пищевых отходов», есть. Запах не видим, вёдра видимы. Запах есть, и запаха нет. Вёдра есть.

Ольга говорила, что спуск по лестнице убивает колени, а подъём по лестнице тренирует сердце и ноги. Я всё равно не ездил на лифте.

Я спускался по лестнице и смотрел в окна на сухие тополиные ветви. Тополя засыхали. Тополя есть.

Солнце закрывают соседние дома. Солнце есть, и Солнца нет.

Когда, одиннадцать лет назад, мы переехали в наш дом, среди голого, словно после урагана, двора стояли три огромных тополя. Перед домом, в палисадниках и вдоль дороги напротив дома, торчали тонкие прутья кустов. За одиннадцать лет двор зарос кустами шиповника и сирени, берёзами, липами и клёнами. В палисадниках соседи выращивали зелень на узких грядках, цветы. Во дворе построили качели, горку и две песочницы, разбили огромную клумбу. Тополя выросли выше крыши нашего девятиэтажного дома.

Банка в сумке есть. Я посмотрел в сумку. Тритоны висели на поверхности воды, задрали головы, дышали невидимым воздухом. Воздух есть, воздуха нет. Тритоны есть.

Самосвалы, возившие стройматериалы на стройку кирпичного кооперативного дома, превратили дорогу перед домом в глиняный просёлок, – глубокая колея с высокими, выше тротуара, глиняными гребнями. Стройка заняла весь пустырь, отделявший наш дом от огромного фруктового сада и парка с прудами.

На стройке, у забора, за строящимся домом, за бетонными плитами, стояли несколько ящиков с мраморной плиткой и один ящик, в который складывали обрезки и обломки мраморной плитки.

Папа купил аквариум. Тритонам нужен был остров.

Я нашёл в стенном шкафу, в инструментах строительную кельму, приготовил старое ведро, сумку. Я не спал почти всю ночь и в два часа ночи пошёл на стройку. Дыра в заборе была с противоположной стороны стройки, со стороны фруктового сада и я шёл через всю строительную площадку, освещённую прожектором. Из большого железного контейнера я почерпнул несколько кельм раствора. Обошёл вокруг фундамента, чтобы не проходить мимо вагончиков, стоял перед ящиком с обломками мраморной плитки и выбирал куски размером не больше десертного блюда.

- Положи обратно!

Я выпрямился, обернулся.

Парень жил в нашем доме, в шестом подъезде, учился в институте.

- Привет, я из пятого подъезда. А ты из шестого.

Парень всмотрелся в моё лицо, молчал, переводил взгляд то на ящик, то на меня.

- Тебе зачем?

- Для тритонов сделаю грот.

- Всё равно положи обратно.

- Мне немного надо, штук десять.

- Если все начнут приходить и брать по десять штук?

- Все не начнут.

- Ты сколько взял?

Я поднял сумку, держал сумку на вытянутых руках, протягивал парню.

Парень заглянул в сумку.

- Всё. Больше не бери.

Я положил сумку с обломками мраморной плитки в ведро с раствором.

Парень повернулся, пошёл к вагончикам.

Я схватил ведро, догнал парня.

- Ты здесь сторожем?

Парень взглянул на меня сверху вниз.

- Хочешь на тритонов посмотреть? Приходи.

Парень ничего не ответил.

Мы подошли в калитку, парень отодвинул задвижку, открыл калитку.

- Больше не приходи.

Парень смотрел мне в глаза.

- Счастливо.

Парень ничего не ответил, закрыл калитку.

Грот с башней и с площадкой на башне я сделал к утру. Остаток обломков мраморной плитки и раствора я отнёс к стройке и высыпал-вывалил из ведра под забор.

Грота не было, грот есть. Тритоны в аквариуме были, тритоны есть.

Дома на пустыре не было, дом есть.

Мы есть, и нас нет.

Тень от нашего семиподъездного дома рассекала Солнечный свет, словно волны от корабля. Солнце светило точно в торец дома. Наш дом южным торцом ориентирован на один-

надцать часов. Вы можете съездить на нашу улицу и проверить. Наш дом стоит там, где его поставили.

- Пливет, Куплиян! Мальчишка с нашего этажа спрыгнул с лавки, подбежал ко мне, протягивал сжатый кулак. - Смотри, что у меня! Мальчишка разжал кулак. На его ладони, поджав ноги, лежал жук-бронзовик.

- А у меня! Товарищ мальчишки подбежал ко мне, разжал свой кулак. Жук-пожарник ещё шевелил лапками и усами. - А у тебя что? Товарищ мальчишки сжал кулак, прижал кулак к груди.

- Тритоны. Я достал банку из сумки, подошёл к лавке, поставил банку на лавку.

Тритоны висели в воде и не обращали на нас внимания.

Мальчишки присели на корточки, рассматривали тритонов.

- Куда ты их несёшь? Товарищ мальчишки разжал кулак и бросил в банку жука-пожарника.

Тритоны не пошевелились. Жук-пожарник висел на поверхности воды, перед носами тритонов, еле-еле шевелил лапками.

- В пруд. Отпускаю.

- А почему они не едят?

- Волнуются.

- А в пруду они будут есть?

- Успокоятся и съедят.

- Куплиян, возьми меня! Я хочу посмотреть, как тритоны жука съедят!

- Твоего жука они не станут. Очень большой.

- Я длугого поймаю!

- Пошли.

Я поставил банку в сумку. Мальчишка выкинул в кусты шиповника жука-бронзовика. Мы пошли на пруд.

- Серёжа! Вернись! Женщина кричала из открытого окна кухни на третьем этаже. - Играй у подъезда!

- Мама, мы с Куприяном на пруд тритонов отпускать! Товарищ Мальчишки повернулся к окну, поднял голову, мотал руками.

- Нет, играй у подъезда!

Мальчишка надулся, повернулся ко мне, мотал руками.

- Меня мама не пускает.

- Миша, останься с Серёжей!

Наша Соседка выглядывала из-за плеча Женщины.

- Здравствуйте.

- Здравствуй, Куприян. Миша, я, что тебе сказала!?

- Мама, мы с Куплияном!

- Нет, Куприян без вас управиться.

Мальчишки смотрели мне в след, пока я не повернул за угол нашего дома. Мальчишки были, мальчишки остались у седьмого подъезда.

Заросли кустов шиповника, вишен, сирени, липы, ясеня скрывали обратную сторону нашего дома до третьего этажа. Окон первого этажа не было видно за ветвями.

Асфальтированная тропинка разветвлялась за нашим домом: налево и прямо вдоль забора детского сада, вдоль непроходимых зарослей шиповника за четырнадцатым домом.

Четырнадцатый дом был, четырнадцатый дом, словно солнечный парус, поднимался над ветвями кустов и кронами деревьев и обрывался перед тем, чего не было, - перед тропинкой, отделявшей дом от кирпичных гаражей.

Солнце было. Солнце было над детским садом.

Тополя, выросшие вдоль асфальтовой тропинки, ломавшие корнями тонкий слой асфальта, роняли на асфальт сухие ветви. Боярышник прятал металлическую сетку за ветвями и листьями, боярышник пророс сквозь ячейки, разросся над металлической сеткой, натянутой поверх бетонного забора детского сада.

Асфальтовая тропинка была, стрелки на асфальте, нарисованные мелом, были. Тень от крон деревьев была.

Тоннель из ветвей был, - стены тоннеля были, были ветви над тропинкой, и тоннеля не было.

То, чего нет, не может начаться, и не может кончиться.

Кончился забор детского сада, кончился тоннель из ветвей, кончилась тень деревьев.

Борт хоккейной коробки, поставленной за детским садом, начался и кончился.

За четырнадцатым домом, за тропинкой, окружённые засыхающими тополями и вязовым подлеском, выросшим вдоль рва, оставленного после строительства гаражей, появилась стена гаража из красного кирпича, края чёрной крыши с повисшими кромками рубероида и чёрными, блестящими на солнце, потёками смолы.

В подлеске, за доминошным столом сидели мужики, забивали «козла».

Я прошёл мимо мужиков, вдоль полосы редкого вязового подлеска, оборвавшейся за стеной гаража, перед въездом в гараж, повернул направо.

Вокруг всего парка и фруктового сада, по периметру снесённого неизвестно когда деревянного забора, обозначая границу засыхающими кронами, стояли тополя.

Строй тополей, начинавшейся из двора за четырнадцатым домом, стоял вдоль неглубокой канавы, тянулся отсюда, вдоль борта хоккейной площадки, вдоль забора детского сада, вдоль нашего двора, вдоль забора второго детского сада, вдоль девятиэтажек по октябрьскому району до самого Ленинского Проспекта, строй тополей был границей между дворами и свободой.

Свобода была, и свободы не было. Свобода присутствовала в каждой точке пространства. Свобода, цеплялась за ветви деревьев и за полынь, собиралась в одном месте и давила на небо и на микрорайоны, окружавшие фруктовый сад, дубовый парк и пустырь. Свобода вырывалась, но сильнее запутывалась в кронах деревьев.

Свобода была слева, вдоль Калужского шоссе, - огромный пустырь за шестнадцатым домом, оставшейся после сгоревших домов и заброшенных огородов переселённой деревни. Пустырь начинался от нашей улицы и тянулся до кладбища за церковью. Полынь на пустыре вырастала густая прегустая, с толстыми, крепкими стеблями, выше взрослого человека.

Свобода была справа, перед плантацией шиповника, - огромное, ровное чистое поле, заросшее клевером.

Свобода была плантацией шиповника, яблоневым садом, дубовым парком с каскадными прудами, переплетённая тропинками и просёлками, укрывшаяся в укромных уголках, спрятанных от любопытных глаз колючими ветвями шиповника и боярышника, высоченной травой и густыми кронами яблонь.

Свобода тянулась от Калужского шоссе до Ленинского Проспекта, от нашего микрорайона до улицы Новаторов. Нашу свободу мы отстаивали всей улицей. Плантации шиповника, часть фруктового сада, один пруд, часть парка были нашими. Верхний, самый большой пруд был ничейным. Нашим был пустырь за шестнадцатым домом, нашим был наполненный молодым тополиным и осиновым подлеском, заброшенный, огромный котлован, вырытый неизвестно когда в десяти метрах от двойного тополинного строя, перед которым тропинка разделялась на три: тропинка вдоль края котлована, тропинка между рядами тополей и тропинка за тополями, по краю поля.

Несколько бетонных плит, брошенных друг на друга посреди котлована, весной превращались в пиратский остров, к которому мы плавали на плотах, от которого плавали на плотах по всему озеру, образовавшемуся на дне котлована.

Летом вода спадала, на дне котлована оставались множество маленьких луж в ямах вокруг острова из бетонных плит. Озеро разделялось на два: большое и глубокое, почти до плеч, тянувшееся от начала и до середины двойного тополиного строя, широкое, до половины ширины котлована и маленькое, в половину хоккейной площадки, мелкое, до пояса, в дальнем углу котлована, перед высоковольтной вышкой, за которой широкая тропа вела в дубовый парк и к кладбищу с церковью, в которой делали детские игрушки.

Солнце было. Тополя были. Поперёк тропы протягивались отполированные корни. Тень от тополей была. Солнце заходила за облако и тень исчезала. Тень была, пока не думала об облаках.

Тень облака скользила по людям, загоравшим на поле. Народ загорал в зарослях шиповника. Народ загорал во фруктовом саду, под яблонями. Народ загорал на берегу верхнего пруда.

Знакомые ребята из двенадцатого дома сидели с удочками на берегу озера. Вокруг бетонных плит, на противоположном берегу носилась овчарка, лаяла, повизгивала, бросалась в воду, когда парень кидал палку в озеро.

Вода в озере была цвета зеленоватое кофе с молоком. В озере жили ротаны, лягушки и чёрные пиявки.

Дафнии предпочитали маленькое озеро, в котором сквозь отцветшую воду было видно дно. В маленьком озере пиявок было мало. В маленьком озере жили ротаны, лягушки и огромные улитки. Тритоны были. Тритоны висели на поверхности воды, задрав головы. Гребенчатый тритон всплыл из-под травы, когда я кинул в банку тритониху. Тритон не трепыхался в сачке, - раскрыл рот и крутил головой.

Я спустился в котлован, к маленькому озеру, достал из сумки банку с тритонами. Тритоны висели на поверхности воды. Жук-пожарник раскинул крылья и не шевелился. Я приоткрыл банку в маленьком озере, положил банку на бок, опрокинул. Жук-пожарник не выплывал из банки, прилип к мокрому дну. Тритоны повисели некоторое время в воде и уплыли в заросли рогоза и осоки. Я прополоскал озёрной водой банку, выплеснул смятого, утонувшего жука-пожарника в озеро.

Я поднялся из котлована, прошёл мимо гудящей высоковольтной вышки, повернул к Калужскому шоссе налево, мимо церкви, в которой был завод детских игрушек.

Кладбище было за церковью. Кладбище было. Я помню, что на одной могиле стоял большой необработанный чёрный камень. На камне была дата жизни, - восемнадцатый век, точнее не помню, и имя сановного человека. Камень простоял на могиле дольше других памятников, оград и крестов. Камень стоял и в прошлом году среди зарослей полыни, среди сгнивших скамеек и столов. Когда в конце лета на кладбище приехал бульдозер и срыл могилы, камня уже не было.

Я вышел на Калужское шоссе, повернул направо, к воротам парка.

Две полуразвалившиеся башни по сторонам асфальтированной, растрескавшейся дороги.

Правая башня защищала одноэтажные сараи и один двухэтажный жилой дом.

Левая башня защищала два двухэтажных дома, окружённых высоким деревянным забором, окрашенного облесшей зелёной краской. Внутри двора, рядом с дальним двухэтажным домом стояли два сарая.

Савёл жил в доме ближнем к башне. В этом же бараке, на первом этаже жил авторитетный в нашем районе хулиган Камаз.

Деревянные ворота, открывавшиеся в дубовую рощу, к прудам, закрыты.

Я вошёл в калитку.

Во дворе, в палисаднике, на грядках, росла зелень, вдоль забора стояли теплицы с огурцами. Между двух крестовин, на верёвке висело бельё и одежда.

Деревянное крыльцо в две низкие ступени, залитое кровью.

Я перешагнул через лужу крови, открыл дверь.

В подъезде барака пахло картошкой, плесенью, кошками, бензином, едой и туалетом. Деревянная лестница, окрашенная коричневой масляной краской, с протёртыми ступенями, затёртыми перилами и избитыми балясинами, не скрипела. Окно в лестничном пролёте, мутное, с мухами и с паутиной.

На каждом этаже барака было четыре квартиры, по две в каждом крыле, с общим этажным санузлом, общей кухней и общим телефоном на четыре квартиры.

Квартира Савёла была в правом крыле второго этажа, первая дверь.

Я постучал.

- Здорово, Хрип!

- Здорово, Савёл!

- Проходи.

Я вошёл в квартиру Савёла.

Комната, метров тридцать, разгорожена шкафами на три отсека. В третьем отсеке обеденный стол, стулья, в углу, слева от двери тумбочка с электрической плиткой, холодильник, сервант с посудой, у противоположной стены, в простенке между двух окон телевизор на тумбочке и радиоприёмник «Маяк».

В Савёловом отсеке стоял аквариум с муравьями. В гипсовом лабиринте жили муравьи.

На голом обеденном столе, точно по центру стола, притих, словно партизан, двухсотграммовый гранёный стакан, налитый до краёв водкой, прикрытый сверху листом бумаги.

«Опохмелись» было написано на бумаге.

- Мать вчера к родственникам уехала и увезла ключ от полки с сигаретами. Отец с утра уехал за матерью. Савёл сел за тумбочку с электрической плиткой, ел жареную картошку из сковороды. - Картошки хочешь?

- Нет. Я отодвинул от стола стул, присел.

- У тебя, что в банке? Савёл налил в стакан чай.

- Были тритоны.

- Ладно, банка не ведро. Савёл отхлебнул из стакана чай. - Чаю хочешь?

- Нет.

- Этой ночью наши у «Ромашки» с интернатовскими схлестнулись. Три микрорайона пришли. Наш, двадцать первый и октябрьские.

Савёл жевал картошку, смотрел в сковороду, отхлебнул чай.

- Сначала один на один выходили, потом сошлись стенка на стенку. Савёл открыл коробку из-под леденцов, лежавшую под его рукой. - Интернатовские не выдержали, достали ножи. Савёл доставал из банки окурки, высыпал из окурков табак в крышку банки. - Наши ремни снимали, арматуру достали. Камаз вчера домой еле приполз. Весь в крови, упал на крыльцо, пролежал незнамо сколько. Савёл свернул из газеты козью ножку, набивал табаком из окурков. - Говорят кровищи там, ментов понаехало. Я сейчас туда. Пойдёшь?

- Ты откуда знаешь?

- В пятницу в туалете десятиклассники только об этом и пиздили.

- Ты знал и не позвонил!?

- Нас бы отпиздили. Там только десятиклассники были и старше. Савёл закурил козью ножку. - Курить хочешь?

- Нет. Бросил.

- Когда?

- Сегодня. Сестре обещал.

- У нас вчера бараки сломали. Все сразу, в один день.

Савёл затушил в пепельнице окурок козьей ножки, распотрошил над мусорным ведром, смял в комок, бросил в мусорное ведро.

- Соседи после выселения всю неделю таскали, что успели. Пошли, посмотрим. По дороге. Савёл допил остатки чая, встал со стула, засунул в один карман школьных брюк банку с окурками и коробок спичек, вытащил из другого кармана связку ключей. - Ты что, так смотришь?

- Савёл, нас нет.

Савёл подошёл, наклонился ко мне, всмотрелся в мои глаза, толкнул в плечо.

- Ты хотя бы нассал в банку.

- Банки то же нет. Если не думать о банке, то её нет.

Савёл выпрямился, смотрел на меня сверху вниз.

- Это оттого, что ты курить резко бросил.

Я встал со стула.

- Тебе тоже надо бросать. От курения грудина слабеет. Пошли.

- Это от импортных грудина слабеет, а я советский табак курю.

Мы вышли из квартиры Савёла. Савёл запирает дверь.

- Поэтому сигареты спиздили? О тайнике никто не знает. Я только сейчас подумал о том, что Сестре придётся оправдываться перед своей подружкой. У меня схватило в животе.

Савёл повернулся спиной, спускался по лестнице.

- Я здесь с лета сигареты прятал. Смотри! Савёл остановился перед щитовой коробкой, открыл дверцу, сунул руку за счётчик электричества. - Я здесь сигареты прятал.

- Может, кто-то подсмотрел?

Савёл закрыл дверцу щитовой коробки, повернулся к ступеням лестницы.

- Камаз Камаз, блядь. Он в сортир ходил, когда я сигареты прятал! Савёл твёрдыми, сильными шагами подошёл ко второй двери в крыле, остановился. - Сука, у него предки дома.

Я стоял на лестничной площадке. Савёл прошёл мимо, не поднимая головы, руки в карманах.

- Ладно. В школе встретимся.

Савёл ногой толкнул дверь подъезда, вышел на крыльцо, пнул высохшую лужу крови, перешагнул через ступени, подбежал в теплице у забора.

- Огурец хочешь? Савёл откинул крышку, заглянул в теплицу, пошарил рукой в теплице, выпрямился, положил крышку. - Мать собрала.

Я открыл калитку.

Савёл догнал меня, протянул мне огурец.

- Ты же сказал, мать собрала.

- Они у нас постоянно что-нибудь одалживают. Отец им водки наливает.

- Нет.

Савёл отвернулся, сунул огурец в карман.

Мы могли пойти по центральной аллее, по прямой асфальтовой дороге, выйти к верхнему пруду. Мы шли напрямиком, через орешник. Мы молчали. Савёл грыз огурец.

Солнце подглядывало из-за листьев орешника за обгрызанным Савёлом огурцом. Белыми блестящими рёбрами торчали из огурца косточки, прозрачные, блестящие, крошки светло-салатовой мякоти то сверкали, то гасли.

Я думал о Сестре. Радостное настроение сжалось в комок, провалилось в живот и тянуло, тянуло.

Парк превратился во множество деревьев, растущих в некотором порядке. Подлесок не вызывал любопытства, тропинки, по которым катались на велосипедах, тропинки сквозь тонкие подошвы кедров избивали ступни ног кочками, желудями, корнями, упавшими ветвями.

Савёл хрустел огурцом. Кроны деревьев шумели и шумели. Жёлуди трескали под ногами, сухие ветки хрустели.

Центральная аллея с асфальтовой дорогой, разделяла парк на две части. В левой части за высоким деревянным забором, окрашенным зелёной краской, была биостанция. Труба, окрашенная белой и чёрной красками, словно жезл милиционера, перекрывала въезд в открытые ворота. Во дворе биостанции стояли полуторка и «Белорусь».

Я никогда не думал о биостанции, а биостанция была. Я вспоминал всё, что знал о нашем парке и вспомнил, что ни разу не был за биостанцией. Мы облазили парк и фруктовый сад, но я ни разу не был у маленького пруда, за биостанцией. Я помнил открытые ворота, полуторку, трактор, одноэтажное длинное здание. Но биостанция существовала до того, когда я о ней узнал, и существовала в нескольких зданиях.

В правой части парка, перед забором НИИ Растениеводства, почти у асфальтовой дороги центральной аллеи, и сбоку от НИИ, в глубине парка, стояли двухэтажные, двухподъездные бараки. Бараки были, и барачников не было.

Солнце внимательно рассматривало развалины вывернутых наизнанку барачников: лоскуты обоев, шевелящиеся на ветру, старающиеся прикрыть торчащие из битого красного кирпича белые, острые сломы перемолотых половых досок, балки перекрытий, бесильно повисшие наискось с остатков стен, погнутые, ржавые, обезвоженные трубы, осколки битого оконного стекла, слепящие прохожих солнечными отражениями.

Я оставил банку и сачок внизу, на земле.

Мы с Савёлом полезли к единственной уцелевшей стене, к остаткам комнаты на втором этаже: окно, с разбитой, переломанной рамой, угол комнаты, пол с десятком досок, стул в углу и у окна тумбочка с раскрытыми дверцами.

Мы поднимались по битому кирпичу, по качающимся, плывущим под ногами кускам стен, мы упирались в остаток стены рукой, поднимаясь вверх по балке перекрытия, переступали, словно по подвесному мосту, мы, повиснув над полуметровым обрывом, на краю обломившегося пола, вползали на животах в остатки чьей-то комнаты.

На полу, у стула, валялся распечатанный конверт.

Савёл осматривал тумбочку, я поднял конверт.

- Савёл, гляди, письмо из-за бугра.

Савёл поднимал тумбочку.

- Дорогой советский друг. Я живу в братской немецкой стране ГДР. Тра-ля-ля

Савёл держал тумбочку над головой на вытянутых руках.

- Жду твой ответ. Адрес

Савёл бросил тумбочку вниз.

Тумбочка ударилась о битый кирпич и развалилась: ящик вылетел из тумбочки и застрял, стукнулся углом в кирпич, дверца отлетела к стене, под кучу щебня, к конверту, валявшемуся под стеной, стенки тумбочки растопырились крыльями утонувшего жука-пожарника.

- Отвечать будешь?

- В гости приглашу, может, разрешат, приедет.

Савёл посмотрел на меня, ничего не сказал. Савёл подошёл ко мне.

- Отойди.

Я прошёл вперёд, к окну, смотрел вниз, на разбитую тумбочку, сунул письмо в карман школьных брюк. Под стеной первого этажа, среди кусков кирпичей торчал угол засыпанного конверта.

Савёл поднял над головой стул, бросил вниз.

Стул ударился в щебень, громко хрустнул, подпрыгнул, ножка выскочила из пазов, сиденье стула сорвалось, повисло на гвозде, стул кувыркнулся, отлетел вперёд, на кирпич, повис на торчащих из щебня острых щепах половых досок.

Савёл повернулся к окну, достал из кармана банку с окурками, положил банку на треснувший подоконник, открыл, распотрошил несколько окурков.

Я стоял на краю пола и прицеливался, чтобы перепрыгнуть через обрыв на балку и не сорваться с балки.

Балка лежала ниже, на нескольких сломанных половых досках и сломанной балке.

Я сел на пол, достал балку ногой, но оттолкнуться от пола, чтобы сразу же встать на балку и упереться рукой в стену, оказалось трудно. Балка качалась под ногой и вертелась.

Савёл сел на пол рядом со мной, затянулся «козьей ножкой».

- Прыгнуть слабо?

- Ты меня на слабо не бери, понял?

- Спускайся по балке. Савёл выбросил окурки, поднялся и спрыгнул на кучу щебня.

Савёл приземлился на корточки, упал на руки, щебень поехал под ногами. Савёл встал, оглянулся на меня.

- Давай.

Я встал на ноги, посмотрел вниз. Не высоко. Голова Савёла вот прямо. Глубоко внизу, под стеной первого этажа, среди битого кирпича белел уголок конверта. Уголок конверта был глубоко.

Савёл спрыгнул с развалин на землю, засунул руки в карманы, пошёл вдоль забора НИИ Растениеводства к острову верхнего пруда.

Я прыгнул вниз. Острые куски битого кирпича хрустнули, больно воткнулись в ступни, в ладони.

Я встал, оглянулся. Пол, окно с разбитой рамой были невысоко. По куче щебня я сползал вниз, к стене первого этажа, вытащил из-под кусков битого кирпича порванный, мятый конверт с фотографией, откопал ещё один конверт, один конверт валялся среди досок. Авторы писем были, и авторов писем не было.

Я оглянулся, взглянул сквозь оконный проём. Савёл повернул за угол забора.

Я сунул конверты в карман школьных брюк. Дошёл до края развалин по осыпающемуся щебню, хватаясь за куски досок, обломки мебели, торчащие из щебня, забрался на кучу обломков, подвёртывая ноги на кусках кирпича, спрыгнул на землю, схватил сачок с сумкой и побежал догонять Савёла.

НИИ Растениеводства занимал барский дом и один из двухэтажных домов.

Второй дом стоял напротив острова верхнего пруда, за забором НИИ и был перестроен под коммуналки. Савёл был внутри этого дома, но ничего не рассказывал. Второй дом выселили раньше бараков. Одна старушка осталась жить в доме. Об этой старушке рассказывали истории, словно о приведении. Зимой, вечером ребята с девчёнками ходили на пруд, чтобы посмотреть на свет в окне выселенного, полуразвалившегося дома. Старушке не отключали электричество и воду, и она жила одна до конца семидесятых. Перед экзаменами в десятом классе я ходил купаться на пруд и видел её в окне дома.

Савёл шёл по берегу верхнего пруда, повернул на плотину.

- Савёл, гляди, ещё!

Савёл оглянулся, но не остановился.

- Гляди, из Болгарии! Вот, из Польши! Во, гляди, с фотографией, из Югославии!

- Покажи. Савёл рассматривал конверты. - Подари мне из Югославии. Савёл рассматривал мятую, порванную фотографию девчёрки в купальнике на берегу моря.

- А ты ей напишешь?

- Ты на свои напиши.

- Я тебя в гости приглашу, когда они приедут. Я забрал у Савёла два письма.
- Если она ответит, я тебе конверт покажу, можешь марку забрать.
- Я тебе жевачку подарю, если они привезут.

Савёл аккуратно пристроил мятое письмо с поломанной фотографией в карман рубашки. Я хотел положить письма в сумку, но решил, что впереди целый день, сложил письма, сунул в карман брюк.

Пространство над прудами, обрамлённое деревьями парка, домами на Намёткина, видимыми сквозь кроны деревьев, подставляло чистому небу и Солнцу всех, кто выходил из парка.

Облака, плывущие в воздухе, подставленные пространством, съёживались под Солнцем, тени облаков плыли по земле, скрывая на время тех, кто был на берегу пруда, под небом. Скрыться от неба можно было в парке, в орешнике, в саду, под яблонями, в зарослях шиповника, в прудах, заросших тиной. Но посидев в тени, ещё сильнее хотелось выйти на поляну, на широкие, утопанные тропы, голый берег верхнего поля, к тёплому Солнцу. Пространство постоянно думало о деревьях, о воде, о рыбах, о птицах, время от времени думало о людях, вспоминало то одного, то другого и люди выходили из парка, появившиеся на свет от мыслей пространства.

Экран глухого деревянного забора, выкрашенного зелёной краской, проломленного в нескольких местах: за флигелем, за качалкой, у дальнего берега, скрытый густым орешником и кронами ив, забор НИИ тянулся вдоль всего берега верхнего пруда.

Мы с Савёлом шли по плотине верхнего пруда мимо острова. Солнце просвечивало сквозь кроны дубов, росших на дальнем берегу, скрывших от улицы Новаторов высокий дальний берег пруда, под берегом, из глубокого дна пруда били родники. Справа от плотины второй пруд, узкий, неглубокий, заросший тиной, кувшинками и рогозом, с огромными ивами на берегу и с густым ивовым подлеском. В углу верхнего пруда, перед оградой футбольного поля, бетонная труба водостока, закрытая решёткой, сваренной из металлического прутка. Впереди, за прудом, за высокой оградой из сетки, было футбольное поле, за футбольным полем летний кинотеатр «Ромашка» на улице Новаторов.

Поросшее травой-муравой поле от берега пруда и до ограды футбольного поля было огорожено верёвками с красными флажками, вдоль верёвки прохаживались милиционеры, перед футбольным полем, со стороны Новаторов, стояли две милицейские машины.

Народ жил, вокруг ограждения оставил одежду, расстелил покрывала, народ купался, загорал, пил пиво, играл в волейбол.

Савёл стрельнул у каких-то ребят две сигареты.

Мы с Савёлом подошли к ограждению. Кровищи не было. Засохшая лужа крови была на траве и лужа крови на краю берега. Всё поле было усыпано кедами, ботинками, кроссовками, несколько рваных, забрызганных кровью маек и рубашек лежали на поле. Ворота футбольного поля были закрыты. На футбольном поле ничего не было, не обуви, не крови.

- Пиздец, рубилово было. Савёл курил, держал в кулаке стреляный «Дымок». Дымная, сизая, горькая мысль, подставленная, видимая пряталась от неба в воздухе, становилась воздухом. - Наших несколько человек на ножах вынесли. Интернатовских арматурой месили. Уложили немерено. Половину интерната в больницу отвезли.

- Ты же вчера дома сидел. Ты-то откуда знаешь?

- Камаз утром по телефону кому-то рассказывал, когда я за сигаретами вышел. Курить хочешь? Савёл протянул мне половину сигареты.

- Нет.

Савёл затушил окуроч, достал из кармана жестяную банку из-под леденцов. Банка сверкнула на Солнце. Савёл положил окуроч в банку.

Четверо новаторских подошли к ограждению напротив нас, встали, сверлили нас взглядами.

Мы с Савёлом переглянулись.

Сегодня было перемирие. В другой раз поцапались бы, хоть верхний пруд и ничейная территория.

Новаторские с минуту стояли, рассматривали то обувь на поле, то нас, потом медленно прошли вдоль ограждения к пруду, сняли рубашки, сели на берегу.

На противоположном берегу была качалка.

Новаторские держали летний кинотеатр, футбольное поле, второй пруд, часть парка вдоль центральной аллеи и до нашего пруда, часть фруктового сада. Фруктовый сад, от Ленинского проспекта до рябиновой аллеи и третий пруд держали октябрьские. Наши держали самую большую территорию, - парк до центральной аллеи, четвёртый пруд, фруктовый сад от рябиновой аллеи, весь шиповник, поле перед шиповником и пустырь вдоль Калужского шоссе. Савёл жил на территории, на которую претендовали намёткинские. Улица Намёткина выходит на Калужское шоссе почти напротив ворот парка.

Интернат был неизвестно где. Интернат был, и интерната не было. В интернате жили подростки малых народностей Кавказа. Интернатовские группами гуляли по парку и по фруктовому саду, задирали ребят, приставали к девчёнкам, трясли малолеток. Жизнь интернатовских была вечным боем. С интернатовскими почти каждый день кто-нибудь дрался. Когда интернатовские били кого-нибудь не в саду и не в парке, а на родной улице, четыре района объединялись и шли бить интернатовских. Когда интернатовские били кого-нибудь в парке или в саду, разбирались те, за кем была территория. В нашем микрорайоне интернатовские не появлялись, а по нашей улице ходили редко и, оглядываясь.

Сегодня было перемирие. В другой раз, если бы поцапались на чьей-то территории, можно было стать героем, если бы и навешали.

На своей территории надо только побеждать или погибать в бою.

Я редко ходил по плотине между вторым и третьим прудом. Помню, что третий пруд был высохшим. На дне третьего пруда, вокруг огромных кочек осоки, рос рогоз, третий пруд зарастал подлеском ивняка и осинника. Помню очень хорошо, что третий пруд указывал на восток, что между третьим и четвёртым прудом была плотина с одноколейным просёлком, протянувшимся от забора фруктового сада за детским садом у восьмых домов до дубовой аллеи, что четвёртый пруд находился выше третьего, что вода из четвёртого пруда перетекала в третий через плотину или по желобу, выкопанному в плотине поперёк колеи. В четвёртом пруду били родники, но воды родников не хватало, чтобы заполнить третий пруд.

Вода в четвёртом пруду была чистой, чёрной и почти не цвела. Дубы прятали четвёртый пруд, окружив пруд густыми кронами. Если кто и спрятался в воде не знамо от чего, то они жили в четвёртом пруду, не думая о себе.

В нашем пруду и в озере у высоковольтной вышки дафнии были самые крупные, самые жизнерадостные. А водяных букашек больше всего было в озере.

- Хрип, - Савёл толкнул меня плечом, - пошли, дойдём до качалки. Мне один человек обещал импортных муравьёв.

- Пошли.

Мы с Савёлом пошли вдоль берега, по плотине, мимо острова, обогнули заводь, пошли по берегу вдоль забора, сквозь густой орешник и кусты шиповника.

Мне здесь всегда было жутковато и весело. Никогда нельзя было угадать, кто будет за кустом шиповника, кто выйдет из орешника, кто сейчас сидит на берегу или ныряет с тарзанки. На верхнем пруду цапались редко, - купались вместе, но было жутковато идти под густыми кронами ив мимо кустов, которые прятали от Солнца зелёные доски забора, за кустами не было видно не берега, не тропинки, не двух столов, за которыми собирались шахматисты и доминошники. Хорошо, если с тарзанки кто-нибудь нырял, тогда сразу можно было определить, кто сегодня купается, - наши, новаторские, октябрьские или намёткинские. Новаторские, обычно,

купались на своём берегу и переплывали через пруд, чтобы понырять с тарзанки, поэтому редко выпендривались на пруду.

На самом деле, на верхнем пруду никто никогда не выпендривался, сквозь кусты орешника и шиповника был виден весь берег, и никто за кустами не прятался.

Прятались за забором, в шиповнике.

Мы с Савёлом, однажды, подсматривали за одной молодой, толстеющей дамой. Высокие, выше человеческого роста, густые, стоявшие среди густой поросли и травы, кусты шиповника закрывали от взглядов маленькие полянки. И, если подобрать место, то и из окон барского дома, в котором был НИИ Растениеводства, ничего не было видно. Что-то можно было увидеть, если лечь на землю, среди колючей поросли. Дама загорала на поляне, у стены барского дома, в одних трусах. Она лежала на спине, и мы, кроме её ног и чёрных трусов, ничего не видели. Дама елозила по покрывалу, привставала, сиськи свешивались на бок, дама разглаживала покрывало руками и опять ложилась на спину. Савёл тихо повторял, одно и то же, - встань, встань, встань. Дама встала на колени, приподняла покрывало, заглянула под покрывало, сиськи свелись. Савёл охнул.

- Бля-а, вот это сисищи!

Дама встала, перестелила покрывало, её сиськи колыхались.

Савёл охал.

Дама постелила покрывало, присела, чтобы улечься и посмотрела в нашу сторону.

Мы с Савёлом притихли, прижались к земле, смотрели на даму сквозь густую траву.

Дама пригнулась, всмотрелась, подалась вперёд всем телом.

- Рвём! Савёл вскочил и рванул сквозь шиповник к пролому в заборе.

Мы выскочили сквозь пролом в заборе к столам, за которыми сидели шахматисты.

Шахматисты летом собирались на пруду каждые выходные и часто по вечерам в будни. Устраивали междусобойчики по пятаку партия, играли с новичками. Кто-то из шахматистов проигрывал новичку партию за пятак, второй сводил вничью партию по двадцать копеек, третий опять проигрывал партию по полтиннику. Проигравший на глазах у новичка выпрашивал у шахматистов мелочи на рубль и предлагал матч реванш. Новичок проигрывал. Второй проигравший предлагал матч-реванш по рублю одновременной игры с тремя игравшими. Если новичок соглашался, то оставлял шахматистам минимум трояк. Новички приходили на следующие выходные с трояками и пятёрками, с надеждой отыграться и никак не могли понять, почему эти мужички, обыкновенного советского вида, некоторые, даже, ханужной наружности, делают его, такого гроссмейстера, как последнего малька.

Мы с Савёлом прошли мимо стола.

За столом, за шахматными досками, сидели три человека. На двух досках был поставлен мат и два шахматиста наблюдали за последними ходами на третьей доске. Перед столом, перед третьей доской стоял мужичёк, шуплый, в выцветшей рубашке, в мятых брюках, в затёртых сандалиях.

Мужичёк сделал последний ход.

- Мат.

- Подожди, подожди, это как?

Мужичёк расставил фигуры и повторил два последних хода.

- Нет, я перехожу!

Мужичёк выдернул рубль из кармана рубашки своего оппонента.

Шахматист схватил мужичка за руку.

- Стой, так нельзя, я перехожу!

- Ты всю партию перехаживал. Мужичёк оттолкнул руку шахматиста.

- С тобой играть невозможно! Мы с мужиками посоветовались, больше двадцати копеек с тобой не играть!

- Тогда ищите ещё кого-то. Я меньше, чем с пятью играть не буду. Мужичёк собрал в шахматную доску фигуры, забрал доску.

Мужичёк подошёл ко второму столу.

Мужичёк высыпал из шахматной доски фигуры, перед парнем в очках, сидевшем за столом, положил доску на стол, высыпал перед парнем на стол пригоршню мелочи и бумажный рубль.

- Вот, три рубля. Играем. Мужичёк расставлял фигуры.

- Вы опять проиграете. Парень выпрямился, не спеша, ставил фигуры на доску.

- Я свой трояк положил, клади свой.

Парень достал из кармана три рубля, положил на стол.

Я положил на колени сачок, поставил у скамьи сумку с банкой, сидел на скамье, за кустами, в качалке, напротив угла сарайчика из листового железа, в котором хранился спортивный инвентарь, стоял раскладной диван и столик со свечёй.

Весь инвентарь был самодельный, - два грифа для штанги, блины, разборные гантели, скамья для жимов лёжа со стойками, стойки для приседаний, турник и брусья. В качалке были две гири по шестнадцать килограмм, одна в двадцать четыре, одна в тридцать два килограмма и груда литых гантелей.

Мужики тренировались кто чем. Кто-то жал лёжа, кто-то жал гирю, кто-то работал с гантелями, кто-то подтягивался, кто-то приседал.

Савёл о чём-то беседовал с Алексом, молодым мужчиной с крепким, красивым, мясистым, рельефным, загорелым телом.

Вокруг стола, за которым сидели Мужичок и Парень в очках, собрались завсегдатаи. Завсегдатаи разделились, кто-то подсказывал Парню в очках, кто-то Мужичку. Парень в очках горячился, кричал, чтоб они перестали нести чепуху.

Парень в очках проигрывал.

Мужчина улыбнулся, потрепал Савёла по плечу.

Савёл подошёл, сел рядом со мной.

- Где муравьи, покажешь?

- Завтра. Ему муравьёв только вчера привезли. Если они не отдохнут, могут сдохнуть. Алекс завтра подъедет сюда после работы. Савёл достал из кармана банку с окурками, покрутил банку в руках, спрятал в карман.

По тропинке, от дальнего берега пруда, со стороны Новаторов, к качалке подходил огромный парень. Парень на ходу снял рубашку с огромного, волосатого тела.

- Жора! Мужики, к нам Жора вернулся!

Алекс подбежал к Жоре, долго тряс его руку, что говорил.

Жора улыбался, смотрел на Алекса, на мужиков.

- В отпуске я был, в деревню ездил. А до отпуска меня на сборы приглашали. Не приняли. Сказали надо ещё за мной посмотреть.

- Ничего, мы за тобой присмотрим!

Мужики заржали.

- Ты со сколько начнёшь? Алекс навешивал на штангу блины.

- Со ста.

Пока Алекс навешивал на гриф блины, Жора размахивал руками.

- Дмитрич, смотри, Жора твоим рекордом разминается!

- Это ненадолго. Мужчина держал на груди гирю, наблюдал за Жорой.

- Мат.

Завсегдатаи разошлись от стола.

Мужичёк забрал деньги.

- Реванш?

- Нет. Я обдумаю нашу партию. Парень в очках смотрел в шахматную доску.

- Когда обдумаешь, фигуры собери и доску на склад отнеси, вот туда. Мужичёк показал пальцем на сарайчик.

Жора лёг на скамью, снял штангу со стоек.

Жора жал. После восьмого повтора штанга накренилась, блин съехал с грифа, упал на землю, покатылся

- Блять, Жора! Алекс бросился за блином. – Блять!

Блин подкатился к невысокому берегу, съехал по берегу вниз, уткнулся в пучки травы, остановился.

Жора сидел на скамье с виноватым видом.

- Жора, блять, я же сегодня дежурный! Если бы блин утонул! Ты бы его и доставал! Алекс стоял по колено в воде, подкинул-выкинул блин на берег.

- Не утонул же.

Мы с Савёлом встали со скамьи.

Алекс ругал Жору.

Мы с Савёлом пошли вдоль берега.

- Ты сейчас куда?

- На озеро, дафний ловить.

- А сразу, чего не наловил?

- Тритонов отпускал. Начал бы ловить дафний, тритоны бы опять выплыли.

- За зиму приручились?

- Может и приручились.

- А в пруду?

- В верхнем дафнии мелкие и букашек нет. Одни рыжие пиявки. Рыбки пиявок не едят.

Мы прошли вдоль берега верхнего пруда, повернули к дубовой аллее. Савёл обернулся, вынул из кармана банку, открыл, достал забычкованный «Дымок».

- Чего оборачиваешься?

- Алекс увидит, из качалки прогонит.

- Ты, когда на тренировку ходишь?

- А ты не знаешь.

- Тайна, что ли?

Савёл убрал банку в карман, закурил.

- Понедельник, среда, пятница.

- А в дождь?

- И в дождь.

Савёл качался с весны прошлого года.

Савёл пришёл в наш класс в конце третьей четверти второго класса.

Я сидел один на предпоследней парте, потому что девчёнку, с которой сидел за одной партой, Классная пересадила на первую парту к Сапогу. Поэтому, Савёла посадили рядом со мной.

Савёл был на голову ниже меня, худой, дохлый, молчаливый, но у него был прекрасный почерк.

Классная во втором и третьем классах часто хвалила Савёла за его почерк.

Савёл был слабее всех в классе и слабее многих в школе. Старшеклассники Савёла не трогали, потому, что Савёл жил в одном доме с Камазом, а теперь и тренировался с ним в одной качалке.

Камаза перевели в нашу школу два года назад, когда от него отказались все школы нашего района, даже, спецшкола, в которой учились трудные подростки и подростки, бывшие под следствием. Камаз волок в математике и в физике. На другие предметы он забил, а в портфеле

носил один дневник и тетради по математике и физике. Единственный предмет, который он уважал и не прогуливал уроков, была физкультура.

Для Савёла физкультура была ужасом, кошмаром и стыдом. Быстрый, резкий, Савёл не мог выполнить многие нормативы из-за своего роста и слабых мышц. Ребята его подкалывали, Савёл бросался в драку и Савёла били. Девчёлки на Савёла не смотрели.

Девчёлки обратили на Савёла внимание в прошлом году, когда Савёл написал сочинение на тему «Мой район» на пять/два. Пять, - за содержание, два, - за правописание. Савёл написал сочинение о нашем парке. Литераторша показала сочинение Савёла Директору школы. Директор школы сказал, что он забирает сочинение на выставку в РАО, но сочинение надо переписать. Савёла сняли с уроков, и он сидел весь день в канцелярии, два раза переписывал сочинение на десяти с половиной страницах.

Девчёлки стали с Савёлом танцевать на школьных вечерах.

Весной прошлого года Савёл начал качаться и в этом году на физкультуре сделал всех ребят из класса.

Я взглянул на Савёла. Савёл сжал пальцами коротенький окурочек, затягивался.

- Курить не предлагаю.

- Я бы сейчас пожрал.

Савёл обжёг пальцы, стряхнул прилипший к пальцу бычок, покивал головой, выдыхая дым.

- Домой нельзя. Если родители дома, непустят.

Мы шли по дубовой аллее. Под ногами хрустели жёлуди. Дубы шумели, тени от крон висели Или тени от крон лежали Или тени от крон мотались по земле. Тени были, и теней не было. Тени сливались с воздухом или тени, это места, куда не долетают солнечные мысли

Люди гуляли, играли в бадминтон, сидели на скамьях и на покрывалах на земле. Людей не было, но люди были везде. Кто же думает о людях? Или о рыбах в море?

Савёл написал примерно так о своём районе, - историю нашего парка, только не задавал вопросов о видимости и невидимости.

Я вспомнил Сестру, и живот снова заныл.

Мы свернули с аллеи, не доходя до церкви, напротив высоковольтной вышки.

На берегу озера стояла малышня, кидали в воду камни и комья земли.

Мы с Савёлом подошли, встали на краю котлована, метрах в двух над озером.

- Эй! Харэ воду мутить!

Малышня обернулась, кто с камнями, кто с комьями земли. Мы стояли на краю котлована, на фоне Солнца. За нашими спинами гудела высоковольтная вышка. Малышня щурила глаза.

- Это наше озеро и всё, что в озере, - наше!

- Озеро ничьё, потому, что само появилось! Самый старший прижимал к груди левой рукой несколько камней.

- Мы сейчас объясним, кто здесь откуда появился! Бросайте камни и валите отсюда!

Малышня посмотрела на Старшего.

Старший опустил глаза, постоял, бросил на землю камни.

Малышня побросала комья.

- А отчего озеро ваше? Мы тоже здесь гуляем!

- Мы сейчас объясним, отчего! Я поставил на землю сумку, положил сачок, вытер ладони о майку на животе, шагнул вперёд.

Савёл прыгнул с края котлована на склон, поскользнулся на траве, росшей на склоне, взмахнул руками, побежал.

Малышня, все одновременно, рванули в тополиный молодняк, росший в котловане.

Малышня вбежали на дальний край котлована, обернулись к нам, замахали руками, что-то кричали, постояли, понаблюдали за нами и ушли к Калужскому шоссе.

Чистой вода осталась у дальнего берега озера, на самой глубине, перед зарослями рогоза.

Я повесил сумку с банкой на сачок, подбросил сумку немного вверх, резко опустил сачок вниз, чтобы банка опрокинулась, зачерпнула воды и утонула. Сумка с банкой не утонула. Я прижал плавающую сумку сачком, топил, крутящуюся сумку. Банка почерпнула воды, задрала горлышко и утонула. Я подтянул сумку, вытащил на берег, вылил из банки лишнюю воду. Я закинул сачок как можно дальше, в чистую воду, водил сачком из стороны в сторону, вытащил сачок из воды. В сачке осталась горстка дафний и водяных букашек. Я вывалил дафний в банку. Я ловил столько дафний, чтобы сквозь банку с дафниями ничего не было видно. Дома я добавлял в банку несколько водорослей, чтобы дафнии могли дышать. Через неделю снова ловил дафний.

- Савёл, гляди, ротан!

Савёл сидел на склоне котлована, курил. Я достал из сачка, положил дёргающегося ротана на ладонь подошедшему Савёлу.

- На плитах нет никого. Поджарим потом. Савёл подобрал ветку, продел ветку сквозь жабры ротана.

- Дафний можно есть. Сушёные дафнии очень вкусные. Когда у нас есть сушёные дафнии, я всегда их ем.

- Твоих высушим?

- Нет, правда. Попробуй, как-нибудь, когда для муравьёв купишь.

Дафнии в озере были, но дафний не видно. Дафнии в сачке есть, и дафний в сачке видно. Дафний видно, когда они сидят в банке. В банке дафнии есть. Воздуха не видно. Воздух есть, воздух есть вокруг нас, воздух есть в воде. Воздух есть внутри нас, но нас нет.

Я смотрел сквозь воду в банке, мутную от дафний. Дафнии есть, вода есть, воздух в воде есть, в дафниях есть вода и воздух, а дафний нет.

Я посмотрел на Савёла.

Савёл рассматривал ротана.

В Савёле была вода, был воздух. Савёл был. Воздух невидим, вода видима. Савёл видим. Я накрыл банку тряпкой, затянул горлышко банки резинкой.

- В топоях на огородах картошка осталась. Я весной нашёл. Пошли, покажу.

Когда мы переехали в наш дом, дно котлована было голым, а вдоль Калужского шоссе стояли деревенские дома с огородами. Калужское шоссе начинается от перекрёстка, пересечения улицы Власова с нашей улицей, и ведёт на юг, спускается вниз с холма.

Напротив, входа в парк, Калужское шоссе лежит на дне ложбины, и дно котлована находилось неглубоко, почти на одном уровне с пустырьём. Неизвестно для чего срыли перешеек, между котлованом и остатком Семёновского оврага, напротив озера, и на месте перешейка образовалось заболоченное поле.

В Семёновском овраге, недалеко от овощебазы, складывали в огромную кучу старые и новые деревянные ящики разного размера. В начале лета ящики в овраге сожгли, и ящики начали складывать в штабель на территории овощебазы.

Картофельные поля двигались по пустырю, вдоль шоссе вверх по склону, вдоль заболоченного дальнего берега озера, пробирались в котлован и оставались у дальнего края котлована, заросшие тополиным молодняком.

Дно котлована не зарастало деревьями несколько лет. Несколько лет тополиный молодняк не поднимался выше коленей. Деревья росли плотно, глушили траву и вытянулись все одновременно, в один год. Сейчас тополя были толщиной с черенок лопаты, высокая, густая трава собиралась в пучки вокруг стволов. Между деревьями, среди травы, стояли невысокие, терпеливые тополиные ростки. Трава в котловане никогда не пружинила под ногами, а запле-

тала ноги, дно котлована было неровным, изрытое ямами, пересыхающими за лето и наполненными водой.

Огородники бросили в котловане три картофельных поля, перестали бороться с тополями.

В этом году, в котловане я два раза встречал ежа.

Весной, мы дышали в тополином молодняке воздухом светло-салатового цвета. Светло-салатовый цвет исчезал к осени, а о воздухе никто не думал.

Тополя выросли, хотя о них тоже никто не думал. Люди думали о картошке, и картошка осталась дичать в тополином лесу.

Мы с Савёлом не думали не о чём. Мы хотели есть.

Мы выкопали два картофельных куста с небольшой, с мандарин, белой картошкой присыпали дно сумки. Собрали сучьев, неизвестно откуда взявшихся страниц журналов и газет, выцветших, грязных, запутавшихся в засыхающей густой траве.

На сгоревшей земле, под двумя плитами, сложенными палаткой, валялись куски обуглившихся досок, валялись пробки от пивных бутылок, окурки, фольга от сгоревших пачек сигарет. Угол третьей плиты, с торчащими ржавыми арматуринами, неудобной лавкой поднимался немного над землёй, напротив плит. За третьей плитой я поставил на землю сумку, положил сачок. Савёл положил на сумку ветку с ротаном.

Мы сгребли в кучу оставшиеся под плитами угли, на углях сложили пионерский костёр. Дров мало. Для картошки не хватит. Ящики в овраге сгорели, автобаза охранялась дворовыми собаками. Мы пошли в тополя, искать дрова. В густой траве я нашёл остатки разбитой кабельной катушки, Савёл нашёл длинный, сухой сук, привязанный к земле густой травой.

- Давай, Хрип, помогай. Савёл дёргал сук из стороны в сторону. Облезшие, в лохмотьях коры сухие, корявые ветви рвали траву, опутавшую остатки скелета.

Я бросил остаток кабельной катушки, подошёл к Савёлу, уцепился за сук, мы потянули. Мы пятились, густая, засыхающая трава заплетала ноги. Сук шёл медленно, ветви выпрямлялись, пружинили, взрывались клочьями травы и кусками земли. Вдруг, сук сорвался с места, бросился к нам. Савёл отшагнул назад, ногой провалился в глубокую, небольшую яму с водой, упал на бок, притянул к себе сук, оцарапал руку. Сук упёрся Савёлу в грудь и остановился, дрожал свободными концами ветвей, пучками травы, повисшей на ветвях.

- Бля!... Савёл вскочил, дёрнул-вытащил из ямы босую ногу. - Сандалет остался. Савёл посмотрел на ногу, брючина намочила выше колена. Савёл посмотрел на меня. – А глубокая. Савёл встал на четвереньки, залез рукой в яму.

Савёл шарил рукой в яме, его брови поднимались вверх, глаза округлялись, загорелись синим, жестким огнём, рот открылся. Савёл громко, шумно задышал. Савёл вцепился левой рукой в пучок травы, рвал траву из земли, вытянул левую ногу. Нога то приподнималась над землёй, то втыкалась мыском сандалии в землю. Савёл касался воды то щекой, то ухом, топил в воде волосы. Савёл всё быстрее шарил в тёмной, чистой воде рукой, опущенной в воду до самой шеи. Солнечные блики прыгали по его спине, под оттопыренный воротник рубашки.

- Хри-и-ип! Бля-а-а!... Савёл резко вытащил руку из воды. В руке Савёла бился огромный ротан. – Хрип, их там!... Савёл бросил ротана в траву, метнул руку в воду. – Тащи сумку!

Я встал на колени на край ямы рядом с Савёлом, сунул руку в воду. В тёмной, непрозрачной, чистой воде, в глубокой, небольшой яме, метались, бились о руку рыбы.

- Хрип, сумку тащи!

Я поднялся с колен, осмотрелся. Метра два в сторону шоссе, прикрытая густой травой, темнела вода.

Я подошёл к яме, встал на колени. Сквозь чистую, тёмную воду, сквозь стебли травы, закрывавшей яму, белели рыбы спины. Я сунул руку в воду. Яма была небольшой, тесной, неглубокой, вода не доставала до локтя. В яме, прижавшись друг другу боками, сидели четыре

ротана, огромных, в ладонь. Я взял одного. Ротан не дёргался. Я вытащил ротана из воды. Ротан лежал на моей ладони, свесив с ладони свой хвост, смотрел на меня своим рыбьим глазом, открывал рот, раскрывал жабры и не шевелился. Я отпустил ротана в воду. Ротан растолкал других, встал над дном ямы, еле заметно шевелил хвостом. Я поднялся с колен, подобрал остатки кабельной катушки.

Савёл вскочил, прыгал на одной ноге, натягивал сандаля.

- Ну, ты чего! Сумку давай! Здесь одна мелочь осталась! Я ща в следующей посмотрю!

- Савёл, из этой ямы не лови. Ладно?

Савёл подошёл, посмотрел в яму.

- Ладно. А чего?

- Ща сумку принесу.

Я отнёс дрова, принёс сумку, держал раскрытую сумку в руках перед собой. Савёл собирал пойманную рыбу, бросал в сумку. Вода в рыбах была, воздух в рыбах был. Рыбы думали о воде.

- Я где-то проволоку видел. Ты, пока, костёр разведи. Савёл достал из кармана коробок спичек, протянул мне.

Савёл ушёл, опустил голову, вглядывался в траву. В сумке ещё трепыхались рыбы. Я поставил сумку около банки с дафниями, около ротана, нанизанного на ветку, собрал рассыпанную картошку, разжёл костёр, разломал остатки кабельной катушки, клал доски одним концом на угол третьей плиты, прыгал на доске, пока доска не ломалась.

Из тополиного леса вышел Савёл, в одной руке, за проволоку, нёс несколько досок от сломанного ящика, в другой двух огромных ротанов. Савёл положил рыб на землю, около сумки, вытер руки пучком травы, отломил длинный конец ржавой проволоки, присел рядом со мной, на край плиты, достал из кармана банку, открыл. В банке, среди окурков, лежал стреляный «Дымок». Из банки несло табачной вонью. Савёл закрыл банку, положил банку в карман, вытащил из костра ветку, прикурил от тлеющей ветки. Савёл сделал подряд две глубокие затяжки.

- Ка-а-йф Савёл выдохнул дым, посидел, смотрел на костёр, бросил ветку в огонь, затянулся, положил сигарету рядом с собой на плиту, выпрямлял проволоку.

Я вспомнил Сестру. Живот не схватывало, но всё равно, стало неприятно, и воздух над пустырём, над тополиным лесом, воздух внутри нас и воздух внутри рыб стал воздухом.

Я положил в костёр несколько досок. Доски прижали сгоревшие ветки, прижали огонь. Огонь ослаб, стал слабым и невидимым под досками, костёр дымил, словно кальмар. Маленькие, короткие, тонкие красные рыбки выпрыгивали в щели между досками и падали в угли.

Савёл выпрямил проволоку, повернулся, схватил рыбу, нанизал на проволоку, схватил вторую, нанизал на проволоку, двумя пальцами подцепил сигарету, затянулся, положил сигарету на плиту, вытащил из ротана ветку, нанизал на проволоку, пододвинул к себе сумку, вынимал из сумки рыб, нанизывал на проволоку.

Костёр разгорелся. Я подкладывал в огонь доски, Савёл вытер руки об траву, держал короткий окурочок за самый кончик, еле притрагиваясь губами к окурочку, затягивался, бросил окурочек в огонь, сломил от сука, который мы вытаскивали, две роготульки, воткнул роготульки перед костром, привязал к роготулькам проволоку с нанизанными рыбами, присел на плиту.

Рыбы повисели, повисели, начали изгибаться, зашипели, из глаз, рыб, из раскрытых рыбьих ртов, из жабр, вырывались водяные пузыри.

Мы с Савёлом смотрели на шипящих рыб.

Плавники и хвосты рыб обуглились, бока, повернутые к огню, полопались, стали коричневыми.

- Подожди, не подкладывай. Шипеть перестанут, снимем.

- Я не буду.

Савёл осмотрел меня с головы до ног.

- Картошку то будешь?

- Картошку класть пора, угли прогорят.

Савёл выдернул роготульки из земли, воткнул в землю у своих ног. От рыб шёл пар и сизый дым.

Я разгрёб угли, положил в угли картошку, засыпал картошку углями, положил на угли доски.

Из-под досок повалил дым. Дым поднимался в невидимый воздух, и становился невидимым. Над пустырём, над шиповником, над полем перед шиповником, над нашим микрорайоном, над парком, невидимого было так много, что никакого дыма не хватит, чтобы сделать воздух видимым, никакого запаха не хватит, чтобы у воздуха появился вкус. Даже в космосе воздух не превращается в лёд, а растворяется неизвестно в чём. И никакого воздуха не хватит, чтобы можно было бы назвать неизвестно что. Даже, если зажарить всех рыб на планете, воздух не станет рыбой. Даже, если все автомобили на планете начнут газовать и превратят воздух в смог, неизвестно что останется неизвестно чем.

- Отец говорит, что мужику без мяса нельзя. Мужику надо, хоть иногда, кого-то своими ногами догнать, своими руками поймать, своими зубами загрызть и съесть, пока у еды бьётся сердце.

- А ты, чего ротанов сырыми не съел?

Савёл сидел с серьёзным лицом, смотрел на костёр.

- Успею ещё.

- Сестра тоже, говорит, что мясо в кайф.

- Правильно говорит. Савёл прикоснулся к рыбе кончиками пальцев, сжал пальцами.

- Мне не в кайф.

- И как вы, вегеты, без мяса живёте?

Рыбьи головы пригорели к проволоке, рыбьи головы оставались висеть, когда Савёл отрывал рыбьи тушки, разламывал-разрывал, выкидывал кишки, посыпал тушку приготовленным пеплом и лопал, закидывал в рот тушку целиком, вынимал изо рта рыбы рёбра.

Я разгрёб угли, нанизывал картошку на гвоздь, торчащий из доски, сбивал картошку с гвоздя нам под ноги, положил в угли новую картошку, засыпал углями, положил на угли доски.

Савёл разламывал картофелину, одну половину клал на плиту, на вторую половину клал рыбью тушку, посыпал пеплом и съедал за два раза.

Так и живём. Если коровы, олени, лошади едят только траву и живут, то и мы будем жить. Животные никогда сами свою жизнь не отдадут. Пчёлы мёд сами не отдадут. Мы едим то, что животные отдают сами и по доброй воле, - молоко. Если приходит к нам животина, мы побеседуем, погладим, порадуемся вместе. И пусть животина живёт.

Семь лет назад я тоже ел мясо.

В первом классе, на уроке природоведения, Классная рассказывала о коровах. Классная вызывала к доске, и мы рассказывали о том, что коровы да-ают мо-оло-ко, что из их шку-ур де-ла-ют кожа-нные су-ум-ки, о-обувь, что из и-их мя-аса де-ла-ают со-оси-иски, ко-отле-еты.

Я стоял у доски и вспомнил корову, которая жила у моей тёти в деревне. Когда мы с тётей приходили в стойло, приносили воду или тётя приходила доить корову, корова лизала меня в плечо и несколько раз лизнула в голову. Когда отвели на бойню телёнка, тётя три дня выливали надоенное молоко, потому, что пить молоко было нельзя.

Классная подняла брови, округлила глаза, смотрела на меня и молчала. В классе стало тихо.

Я тогда подумал, что раз тётя выливала молоко, значит, и мясо телёнка, и мясо коровы надо было выкинуть, потому, что есть это мясо нельзя.

Классная мне оценку не поставила.

Когда мы пришли в столовую, на завтрак было картофельное пюре и котлета. Я просидел весь завтрак перед тарелкой, смотрел на котлету и не мог ничего съесть. Я отдал кому-то свой завтрак. С того дня я не ем мясо.

Рыбьи головы висели на проволоке перед ногами Савёла. Мы доели картошку. Доски догорали. Савёл свернул «козью ногу», распотрошил в самокрутку окурки, закурил.

Кроны тополей, росших вдоль поля, вдоль края котлована, загораживали Солнце. Окна домов на Калужском шоссе сверкали оранжевыми искрами.

- На следующей неделе играем со 121 школой. Придешь?

- Опять всю игру на скамье просидим. 121 хорошо играет. Савёл прищурил глаз, затаился.

- В прошлом году они наших как детей.

- Физрук сказал, что те школу окончили, а в этом году у них такие же, как мы.

- На тренировке посмотрю.

Савёл докурил, бросил самокрутку на угли. Я встал, взял сачок.

- Хрип, - Савёл вскочил на плиты, смотрел с плит, - я три покрышки видел на пустыре, за шестнадцатым домом. Длинная тень Савёла указывала на пустырь, на овощебазу. Савёл спрыгнул с плит. - Пошли, запалим!

- Пошли!

Тонкие ветви молодых тополей хлестали по голове, по плечам, трава путала ноги, полынь на склоне котлована подставляла толстые, одеревеневшие стебли, загораживала тропу, лежавшую вдоль края котлована, протянувшуюся по всему пустырю от старого кладбища за церковью до асфальтовой дорожки, проложенной от автобусной остановки у начала Калужского шоссе, до угла шестнадцатого дома.

Полынь скрывала нас до плеч.

От тропы до шестнадцатого дома было метров сто. Тропки пересекали тропу то от гаражей к овощебазе с пунктом сдачи-приёма стеклотары, то к поликлинике. За шестнадцатым домом тропа разветвлялась на три: огибала глубокий ухаб на месте заброшенного просёлка и вела к палисаднику шестнадцатого дома, к остаткам сада, к нескольким яблоням и вишням. За фруктовыми деревьями кто-то ухаживал, окапывал, подрезал кроны. Народ в палисаднике развёл огороды, огородили участки невысокими заборами из проволоки, досок, листового железа, водопроводных труб. На одном участке кто-то построил невысокую будку, поставил стол и скамью. Полынь укрывала огороды со стороны пустыря.

Покрышки валялись в ухабе.

Мы вытащили покрышки, одну положили на тропинку, напихали в покрышку газет. Савёл достал спички. Мы огляделись. Савёл зажгёт газеты. Мы вдвоём поднимали покрышки, сложили покрышки стопкой. Тень от стопки покрышек показывала на автобусную остановку, запутывалась в полыни, дробилась о полынь, сливалась с тенью полыни.

В газетах не было воды, в газетах не было воздуха. Газеты были грязные. Горели маленьким, слабым пламенем.

Я ударил ногой по нижней покрышке.

Из покрышек повалил густой белый дым. Дым вырывался между покрышками тонкими струями.

Я ударил ногой по нижней покрышке. Савёл ударил ногой по нижней покрышке.

Дым стал прозрачнее.

- Погас.

- Ща-ас Савёл огляделся, вытащил из полыни пустую водочную бутылку, подsunул горлышко под нижнюю покрышку, ударил ногой.

Покрышки вздрогнули. Дым почти исчез.

Савёл прокопал горлышком неглубокую ямку, вставил горлышко в ямку, ударил ногой по донышку бутылки.

Покрышки вздрогнули, горлышко бутылки вошло между землёй и крышкой. Сквозь щели между крышками пробились тонкие струйки чёрного дыма, над крышками поднялся редкое облако чёрного дыма.

Савёл встал на бутылку, два раза сильно нажал на бутылку ногой.

Покрышки подпрыгнули. Из крышек рванул вверх столб густого чёрного дыма, сквозь щели ударили чёрные струйки.

Савёл отпрыгнул.

Сквозь щели между крышками пробивалось пламя, сквозь густой чёрный дым, поднимавшийся над крышками, рванулись вверх клочья гудящего оранжевого огня.

Столб чёрного дыма поднимался выше и выше, склонялся поперёк пустыря, к автобусной остановке, терял свою расплывающуюся верхушку.

- Эй! Кто-то свистел.

Мы с Савёлом повернулись к шестнадцатому дому.

На балконе восьмого этажа шестнадцатого дома стоял толстый мужик в белой майке.

- А ну, блядь, гаси! Орал мужик.

- С каких! Савёл засунул руки в карманы.

Мужик на балконе наклонился, поднял лопату, грозил лопатой.

- Я, блядь, сейчас выйду! Я, блядь, тебе пиздюлей накидаю! Узнаешь, блядь, с каких!

Савёл ударил ногой по нижней крышке.

Облако чёрного дыма взлетело над пустырём.

- Ну, блядь! Мужик ушёл с балкона в квартиру.

- Пошли, он активист. В Красном уголке на каждом собрании выступает. Я ударил ногой по нижней крышке.

Мы с Савёлом пошли к асфальтовой дорожке, по асфальтовой дорожке вышли на нашу улицу, обернулись.

На тропе, на месте крышек стоял огненный столб. Поднявшись над крышками, так и не подпрыгнув выше пыли, огненный столб остывал и становился чёрным дымом.

- Я домой. Обещал к двум.

- Давай, Хрип, до завтра.

- Давай, Савёл.

Савёл шёл по нашей улице к остановке, в сторону Калужского шоссе.

Я шёл в сторону Ленинского проспекта.

Солнце коснулось крыш домов нашего микрорайона.

Над пустырём поднимался столб чёрного дыма.

Вспомнил

Савёл обещал мне показать муравейник каких-то муравьёв, редких в нашей области.

Я обернулся.

Улица изгибалась, пыль скрывала Савёла, остановку. По тротуару шёл высокий парень в обнимку с девчёнкой. Её белое марлёвое платье Солнце просвечивало насквозь. То, что нигде нет, сгустилось под белой дымкой марлёвки в самую красивую девчёнку на свете.

Над пылью поднимался столб чёрного дыма, клонился в сторону улицы Власова, растворялся в воздухе, поднявшись этажа до четвёртого.

Три пустыря окружали наш микрорайон.

Вы можете приехать на нашу улицу и сами посмотреть на дома, построенные на месте наших пустырей.

Наш микрорайон построен в сорока минутах езды до центра города и стоял, окружённый пустырями, окружённый горьким вкусом полыни, окружённый облаками полынной пыльцы, словно буферной зоной.

Три дома окружают наш микрорайон, - мой, четырнадцатый и шестнадцатый. Шестнадцатый и четырнадцатый дома построены подъездами внутрь микрорайона, и пустыри наезжали на кирпичные стены зарослями шиповника, огородами. Мой дом построен подъездами к Октябрьскому району и граница между районами проходила посередине нашего двора.

Первый пустырь начинался от нашей улицы, тянулся вдоль ограды двадцать восьмой школы, вдоль нашего дома, переходил в наш двор и заканчивался у забора яблоневого сада.

Второй пустырь начинался около двадцать восьмой школы, тянулся вдоль нашей улицы, вдоль нашего микрорайона до Калужского шоссе.

Третий пустырь начинался от нашей улицы, тянулся вдоль Калужского шоссе, вдоль шестнадцатого дома до церкви.

Вы можете приехать в наш микрорайон и взглянуть на территорию, которую облазил Савёл в поисках редких муравьёв.

Савёл облазил и два бульвара на нашей улице. Первый начинается у Ленинского проспекта и тянется до нашей остановки, стоящей перед двенадцатым домом. Второй бульвар начинается на перекрёстке улицы Власова и нашей улицы и тянется до метро.

Наш микрорайон построили тогда, когда я был маленький и не думал не о чём. Я не думал о нашем микрорайоне, а микрорайон есть.

Муравьи не думают не о чём, а всё есть. Многие муравьи живут без мозга, с одним центральным нервным столбом и не знают, о том, что в голове могут быть образы. Муравьи, у которых мозг есть, то же не знают, что в их голове могут быть образы. Потому, что их мозг не разделён на полушария и муравьи не мыслят критически. Муравьи мыслят готовыми образами, - запахами. Муравьи, у которых есть глаза и мозг, то же мыслят готовыми образами. Образы, которыми мыслят муравьи, соответствуют тем образам, которые муравьи видят вокруг себя. Муравьиная царица мыслит теми запахами, которые приносят ей муравьи и изменяют строение муравьёв, чтобы муравьи соответствовали тем запахам, которые приносят в муравейник.

У человека есть преимущество, - мозг, разделённый на два полушария. Люди могут сравнивать два вида образов, - аксиоматические образы и экспериментальные образы.

Аксиоматический образ, - это текст, который Вы читаете. Экспериментальный образ, - это то, что Вы увидите, если приедете в наш микрорайон.

Двойной мозг может самостоятельно формировать произвольные образы, созданные в процессе критического мышления. Процесс создания суммы экспериментальных и аксиоматических образов человеческий мозг воспринимает, как свободу воли.

Муравьи ничего не знают о сумме образов и считают свой мир самым справедливым. Муравьи ничего не знают о свободе воли и муравьи альтруисты на всю голову. В муравьиных головах один единственный образ, а муравьи самые совершенные общественные существа в животном мире. Эволюция муравьёв полностью зависит от муравьиной царицы, а муравьи одни из самых приспособленных существ на Планете.

Муравьи не думают о Солнце, а Солнце есть.

Солнце двигалось по небу над крышами панельных девятиэтажек, стоящих через двор, в Октябрьском районе. Солнце светило в наш двор, на скамьи перед подъездами, на кусты, на деревья в палисаднике, на кусты и деревья во дворе. На стройке горел костёр, Солнце просвечивало дым от костра.

Куриль хотелось так, что, казалось, лёгкие сжались в каучуковый ком и не могли развернуться. Я резко, глубоко вдохнул, задержал воздух, выдохнул. Лёгкие расправились, вместе с лёгкими расправилось желание курить. Желание стало прозрачным, призрачным и ослабело. Курить хотелось, но желание расселось.

Я вспомнил Сестру. Живот уже не сжимался. Я знал, что надо делать.

Первого сентября моя Сестра пошла со мной в школу, на торжественный митинг. Она надела марлёвое белое платье. Платье просвечивало на Солнце. Прохожие засматривались, некоторые оборачивались, останавливались, некоторое время смотрели на Сестру. Моя Сестра самая красивая в мире!

Народ набился в школьный двор плотной толпой. Сестра поцеловала меня в щёку, я протиснулся к нашим. Сестра осталась со своими.

Из их класса я знал одного Червивого. Червивый жил в кооперативе на Вавилого, за дипкорпусами. Родители Червивого работали в министерстве торговли. Червивый фарцовал в школе шмотками и дисками. Червивый классно играл в баскет. Но кроме него в школьной сборной никого не было. Школьная сборная не выходила даже в финал района.

И моя Сестра шла сейчас в обнимку с Червивым по нашей улице.

Я не оборачивался. Улица поднималась по пологому подъёму к нашему дому. Три тополя в нашем дворе отклонились друг от друга в стороны. Во дворе, у песочницы, играли малыши, их мамы сидели на лавочке, напротив клумбы.

Дверная пружина была тугая, я еле открыл обшарпанную подъездную дверь с металлическими вертикальными прутьями, вставленным перед стеклом вместо филёнки и для защиты.

Солнце светило в окна в лестничных пролётах, проекции окон на стенах существовали одновременно во втором и в четвёртом измерении, если не учитывать солнечного света, не видимого в воздухе. Солнечный свет между Солнцем и стеной был, но в третьем измерении невидим. Никто не думал о втором измерении, никто не думал о четвёртом измерении. Третье измерение все видели, но думали о том, что вмещает все измерения сразу. То, чего нет, - не видно, то, чего нет, - невидимо. Все о нём думают, но есть только третье измерение. Третье измерение слилось с нами, о нас не думает. То, чего нет, нас не видит, но думает ли? Если мы о себе не думаем, то мы есть, если мы о себе думаем, то мы в третьем измерении.

Я стоял перед дверью квартиры, дышал. Сердце билось. Круто. Мы есть, и нас нет. Третье измерение, словно марлёвка. Марлёвка есть, но сквозь марлёвку Солнце просвечивает.

Муравьи есть, но они неизвестно где. Дафнии в банке есть, но они о себе не думают. Рыбки едят дафний, но дафнии не осуждают рыбок за это.

Ключ забыл. Я позвонил в дверь, поднял с пола сумку с банкой.

Мама открыла дверь.

- Ты, когда обещал прийти?

Мама отступила к вешалке, держалась за ручку двери. Я вошёл в квартиру.

- В два.

- А сейчас сколько?

Я повернулся лицом к Маме. Мама закрыла дверь. Я поставил на пол сумку с банкой, прислонил к стене сачок, поднял ногу, развязывал шнурки на кеде, держал равновесие.

- Солнце над крышей восьмого дома.

- Папа скоро придёт. Мама повернулась, прошла в свою комнату. - Обед на плите.

У Мамы было хорошее настроение.

- Клуб путешественников начался, будешь смотреть?

- После обеда посмотрю.

- Майку смени!

- Он из очереди ушёл?

- Сегодня была переключка. Очередь продвинули. Мы в первой десятке. На следующей неделе обещали завезти.

Я оставил кеды перед галошницей, поднял банку, взял сачок, прошёл в свою комнату.

Значит, всю следующую неделю Папа будет стоять в очереди в мебельном магазине, будет ждать, когда привезут югославские стенки.

В комнате я поставил банку под подоконник, поставил сачок в угол, за штору, снял майку, повесил на спинку стула.

Всё моё бельё лежало в шкафу, в комнате Сестры. Если на следующей неделе завезут мебель, мне в комнату родители поставят свой шкаф.

Я вынул из кармана брюк конверты с письмами, выдвинул верхний ящик письменного стола, положил конверты под тетради.

Рыбки плавали у поверхности воды, глотали воздух, улитки ползали по стёклам, обглаживали со стёкол водоросли. В опустевшем аквариуме остался грот.

Я взял майку, прошёл в ванную, сунул майку в стиралку, прошёл в комнату Сестры. Моими были две полки в её двусторчатом шкафу.

Если на следующей неделе родители купят стенку, у меня будет трехстворчатый шкаф.

Я прошёл в ванную, вымыл ноги, умылся.

Курить хотелось так, что слюни стали густыми и не глотались.

В ванной, из шва между плитками, выходили муравьи и бежали друг за другом за раковиной, из-за раковины под ванную. Через несколько дней муравьи найдут тюбик с зубной пастой и зубные щётки.

Я почистил зубы. Желание курить стало мятным и холодным.

Кто-то открыл входную дверь. Дверь наехала на мои кеды и остановилась. Кто-то нажал на дверь, дверь проскрипела кедами по половику.

- Куприян, ты, где кеды бросил! Затрудняешь противнику манёвр!? Эт-то правильно! Папа запер дверь, прошёл быстрым, решительным шагом в ванную, встал за моей спиной.

Я смотрел в зеркало на Папу.

Папа рылся в большой, продуктовой сумке, достал из сумки обгоревшую пачку из-под «Столичных».

- Из мебельного магазина я прошёл по пустырю, и смотри, что я нашел у плит! Папа поднял к отражению моего лица в зеркале обгоревшую пачку. – Дыхни!

- Я не курил. Я повернулся к Папе лицом. Папа пригнулся. Я дыхнул ему в лицо.

Папа вдохнул.

- Ещё раз.

Я дыхнул.

Папа выпрямился, внимательно смотрел мне в глаза.

- Правда, не курил, хоть и зубы почистил.

- На пустыре, на плитах, народу собирается Там, кроме нас, весь микрорайон костёр жгёт.

Папа покрутил в руке пачку. Папа надул желваки. Папины скулы покраснели. Папа сделал лицо, словно хлебнул вчерашнего шампанского. Папа посмотрел на пачку, посмотрел на меня, вышел из ванной.

На плитах не осталось пустых пачек, мы сожгли все окурки и все пустые пачки.

Я выключил воду, вытер руки, надел чистую майку, прошёл на кухню.

На кухне Папа выкладывал из сумки продукты.

- Ты, наверное, на плитах за стройкой был. Мы там давно не собираемся.

- Нет, я по пустырю за шестнадцатым домом шёл. Покрышки вы жгли?

- Мы.

- Активист вокруг них скакал, матерился.

- Духов звал.

Папа заржал, закрыл холодильник.

- Вася, сегодня щи с рисом и фрикадельками. Мама стояла в дверях, медленно поворачивалась спиной к дверному стояку, пропускала Папу.

Папа поворачивался вместе с Мамой, чмокнул Маму в щёку.

- Я курицу принёс и заказ.

Мама чмокнула Папу в щёку.

Папа прошёл в прихожую, Мама вошла на кухню, потрогала все кастрюли и сковороду, стоявшие на плите.

- Твой суп остыл. Мама зажгла спичку.

- Мам, не подогревай, придётся ждать, когда остынет. Я расставлял на столе тарелки.

- Мне не ставь. Я поела. Вас не дождёшься никого. Мама зажгла газ под кастрюлей и под сковородой, сняла с плиты кастрюлю с моим супом, поставила на стол. – Компот в шкафу.

Я повернулся, достал из шкафа открытую банку с компотом, поставил банку на стол.

Мама вышла из кухни. Папа мыл руки. Я нарезал хлеб.

- Ирочка, светлая моя, я сегодня думал только об одном, - об ужине с тобой.

- Мне надо отчёт до завтрашнего написать. Без меня ешьте. Мама ушла в комнату.

Я налил Папе суп, как обычно, с семью большими фрикадельками. Когда ставил кастрюлю на плиту, Папа сел за стол, спиной к шкафу. Я сел на Ольгин стул, лицом к окну.

Мой Папа с закрытыми глазами собирал и разбираал все виды бензиновых автомобильных, все виды мотоциклетных, все виды лодочных отечественных двигателей. Мой Папа работал старшим мастером ремонтного цеха автомобильного предприятия. А я равнодушен к автомобилям, я до сих пор не знаю, чем отличаются «Жигули» одной модели от другой и меня до сих пор удивляет то, что эти железки крутят колёсами.

Папа рассказывал о своей автобазе, что вчера придавило автослесаря, что под колёса стоявшего на яме автомобиля не поставили уголки и автомобиль покатился с ямы, а в цех въезжал другой автомобиль, а слесарь стоял спиной к яме и давал отмашку, и слесаря придавило между автомобилями, что я его не слушаю, о чём я думаю.

Я думал о том, что крышка от легковушки выгорает примерно, за полчаса. С пустыря домой я шёл, примерно, минут пятнадцать, полчаса, примерно, был дома до прихода Папы. Плиты видны с пустыря и, пока мы жгли крышки, никого у плит не было. Следовательно, Папа проходил по пустырю тогда, когда я подошёл к автобусной остановке. У того, кто жёг костёр и бросил пустую пачку, было, примерно, минут десять. Папа не сказал, что видел кого-нибудь у плит, и не сказал, что у плит был костёр.

- А у плит были рыбы головы?

- Что было?

- У плит были рыбы головы на проволоке? Мы рыбу жарили и оставили на колышках проволоку с рыбьими головами.

- Не было ни проволоки, не рыбьих голов. Папа доел жареную картошку. – Осколки от бутылок, пробки, окурки и пачка.

Пачки от «Столичных» не было. Пачки от «Столичных» не было, потому, что я собрал все окурки, все пробки и даже обгоревшую фольгу от сожжённых сигаретных пачек и бросил в угли.

Папа налил в кружки компот.

Папы не было. Папа был.

Я протянул к Папе руку. Между нами ничего не было. Я притронулся к Папиной руке. Рука была.

- Ты чего?

- Нас нет.

Папа пил компот, смотрел на плиту, посмотрел в кружку, чайной ложкой достал из кружки сливу, положил сливу в рот, пожевал, выплюнул в кулак косточку, бросил косточку в кружку.

- Ты уроки сделал?

- Мама ещё вчера проверила.

- А устные.

- По литре стихотворение Лермонтова, а по физике читать о работе двигателя внутреннего сгорания.

Папа вытянулся. Папа расправил спину. Папа взглянул на меня сверху. Папа светился.

- Давай, стихотворение.

Я, без выражения, запинаясь, отдолдонил отрывок из «Мцыри», пересказал статью из учебника о поэме.

- Неси физику.

- Зачем?

- Посмотрю, что там о двигателях написано.

- Да, знаю я, как он работает.

- Куприян, неси физику.

Я медленно встал из-за стола.

- Тебе-то зачем?

- Проверю свои знания.

Я вышел из кухни, шаркал ногами, задевал руками за все углы.

Папа думал, что я стану инженером-автомобилистом, потому, что, когда нам в прошлом году задали сочинение на тему, кем я хочу стать, я написал, что буду, как Папа, работать на автомобильном предприятии. А я хотел стать грузчиком в мебельном магазине. Огромные, весёлые, сильные дядьки двигали в мебельном магазине, поднимали по лестницам в квартиры красивые шкафы и кровати, столы и стулья, в мебельном магазине был удивительный нена-сытно-приятный запах, у мебельных грузчиков всегда были деньги, один грузчик из нашего мебельного магазина, в котором Папа стоял в очереди за югославской стенкой, один грузчик тренировался в качалке у пруда и был самым сильным.

Я принёс учебник физики, положил на стол перед Папой, встал рядом.

- Присаживайся. Папа раскрыл учебник, пролистал, нашёл главу о двигателях внутреннего сгорания.

Я уселся за стол.

Папа молчал, улыбался, смотрел на меня. Я смотрел в окно, на засыхающие тополиные ветви.

- Расскажите об истории двигателя внутреннего сгорания. Папа прочёл первый вопрос.

- Да, знаю я историю

- А я, вот, забыл, напомни мне, Куприян.

- Сначала был паровой двигатель, потом бензиновый.

Папа смотрел на меня и не улыбался.

- Расскажите о внутреннем устройстве двигателей внутреннего сгорания.

- Ты лучше меня знаешь, как он устроен.

- Ты и училке так ответишь?

- В нём четыре камеры сгорания, четыре поршня, один каленвал. Я смотрел в окно, на засыхающие тополиные ветви.

- Неполный ответ. Ты забыл о необходимых деталях.

- Да, знаю я устройство А Физичке по барабану эти двигатели. Она красивая.

Папа надул желваки. Папины скулы покраснели. Папа смотрел в учебник. Папа привстал, положил согнутую ногу на табурет, сел на согнутую ногу. Папа раздвинул губы в улыбке, взглянул на меня сверкающими глазами. Папа переломил учебник физики, схлопнул обложку, страницы взъерошились, закачались, переплёт хрустнул. Папа положил учебник на стол, положил кулаки по сторонам учебника.

- Ладно Пригнали автомобиль с глухим двигателем. Что ты можешь сказать о работе двигателя?

- Пап, я знаю, как работает двигатель, я знаю, из каких деталей он состоит. Я не знаю, отчего двигатели глухие и мне по барабану. Нам задали прочесть об устройстве и работе двигателей внутреннего сгорания, я прочёл.

- Ты не ответил не на один вопрос! Когда ты прочёл, если ты не ответил не на один вопрос!

- Зачем мне об этом читать, если ты каждый вечер об этом рассказываешь?

- Я на работе постоянно читаю книги по ремонту, для того, чтобы помнить. Я и без них знаю, но книги пишутся специалистами-изготовителями, которые подробно пишут о том, что, куда поставили. Если тебе задали прочесть учебник, надо прочесть, знаешь ты или нет!

- Я прочёл. Авторы учебника не специалисты-изготовители.

Папа покраснел. Папа смотрел на меня сверкающими глазами.

- Ладно Я буду задавать наводящие вопросы. Ты сказал, что двигатель состоит из четырёх камер сгорания. Из чего состоят камеры сгорания и как они расположены в двигателе?

Я смотрел в окно на засыхающие тополиные ветви, на тёмно синее небо, на тонкую малиновую полосу, оставшуюся от солнечного света, на тонкую малиновую полосу, отгороженную от нашего окна домами.

- Из железа.

Папа посмотрел в окно. В стекле отражалось два лица, моё и его. Папино отражение смотрело на моё отражение.

- Правильно. Корпус двигателя сделан из железа. Из чего сделаны камеры сгорания в корпусе из железа?

Я смотрел на Папино отражение в стекле.

- Камеры выточены.

- И Папа повернулся ко мне.

- И.

- Внутри цилиндров, что?

- Внутри впрыскивают бензин.

- Цилиндры внутри, какие!?

- Пустые.

Папа, по вискам тёк пот, привстал на согнутой ноге, давил ладонями в стол, смотрел на меня сверху, играл желваками, сверкал глазами.

- Ещё какие!?

- С постоянным диаметром.

Папа убрал с табурета согнутую ногу, погромел табуретом, уселся, уставился в учебник.

- Расскажи о работе двигателя.

- Па, я знаю, как работает двигатель, ты каждый день рассказываешь, и я прочитал.

- Теперь ты расскажи мне! Мне хочется послушать мой рассказ в твоём исполнении. Папа рукавом рубашки вытер пот с висков и со лба.

- Лучше тебя никто не рассказывал.

- Я знаю! Тебе надо рассказать близко к тексту учебника! Училка будет тебя спрашивать о тексте из учебника!

- Физичка не будет меня спрашивать. Учеников, чьи родители работают на профильных предметах, учителя не опрашивают.

У Папы спёрло дыхание. Папа сидел с поднятой грудной клеткой. Папа выпучил глаза. Папа таращил глаза неизвестно куда.

Я смотрел в окно, на засыхающие тополиные ветви, на первые звёзды.

Папа собрал глаза в кучу, уставился на банку с компотом.

- Из чего состоит цилиндр? Папа взял банку с компотом, налил компот в свою кружку.

- Из железа и поршня.

Папа поставил банку на стол.

- Из чего состоит поршень? Папа пил компот.

- Из рычага, кольца и головки.

Папа выплюнул в кружку косточку от сливы.

- Из чего состоит головка цилиндра?

Папа поставил кружку на стол, взглянул на меня.

- Из впрыскивателя и свечи зажигания.

- Как двигается поршень в цилиндре?

- Мне так и физичке объяснять?

Папа налился кровью. Папа смотрел на меня потемневшими глазами. Папа вдавил ладони в стол. Папа открывал рот, вдыхал воздух. Папа собрал к переносице сверкающие глаза. Папа откинулся назад, ударился головой в дверцу шкафа и заржал.

Папа ржал во всю грудь. Папа задыхался. Папа кашлял. Из папиных глаз текли слёзы. Папа хлопал ладонями по столу.

- Всё-оо! Папа подвинул ко мне учебник. Папа больше не мог выговорить не слова. Папа открывал рот, но только ржал и задыхался.

Прибежала Мама, встала у холодильника, смотрела то на Папу, то на меня.

- Вася!? Куприян!?

Папа пытался встать, но падал на табурет.

Мама подошла к столу, взяла банку с компотом, налила в кружку компот, пододвинула кружку Папе.

- Вася, выпей.

Папа взял кружку с компотом, напрягся, замолчал, выпил компот.

Папа сидел, смотрел в пустую кружку, пальцами вынул изо рта косточку от сливы, бросил косточку в кружку, поставил кружку на стол.

Я осторожно слез со стула, медленно стянул со стола учебник.

- У-ух!... Папа выдохнул, выпрямился, огляделся, вдохнул.

Папа посмотрел на меня, обнял Маму за талию, уткнулся лицом в её грудь и заржал.

Я ушёл в свою комнату.

- Ты представляешь, - Папа орал сквозь хохот, - я представил, как Куприян объясняет училке строение и работу блока цилиндров!

Я прикрыл дверь в свою комнату, засунул в портфель учебник, сел на подоконник, смотрел в окно, на наш двор. Я не понимал, что так рассмешило Папу. Я знал, как работает двигатель внутреннего сгорания, я знал устройство поршня и считал, что Папа знает, что я знаю. А Папа вымучивал ответ.

Папа успокоился. Мама загремела стулом. Родители о чём-то разговаривали.

Сестра вошла в квартиру, захлопнула дверь, разулась, прошла в свою комнату, врезала ногой по шкафу, хлопнула дверью шкафа, раскидала стулья, сбросила с письменного стола книги на пол, стукнула кулаком в стену, прыгнула на кровать.

Неужели с Червивым расплевалась!? Стало радостнее и легче.

Родители на кухне разговаривали громче и громче. Мама гремела посудой.

- вцепился в свои законы! Твои законы тебе зарплату платят!? Они тебе сверхурочные выплачивают!? Твоя автобаза без тебя остановиться!? Тебе хотя бы за один вечер заплатили!? Ты же всем бесплатно ремонтируешь! Хотя бы водкой брал, так ты же не пьёшь!

- Ира, пойми, сегодня я мужикам чем-то помог, а завтра они мне чем-то помогут.

- Когда наступит это завтра!? Кто тебе, мальчику, поможет!? Они тебя, ездовую лошадку, поглядят, а ты и рад! Мама открыла воду, подставила чайник. – Я уже и забыла, когда мы с тобой по-человечески... Мама бросила чайник в раковину, посуда гроыхнула. Мама пробежала из кухни в комнату.

- Ира, дорогая моя! Ира! Папа пробежал по прихожей за Мамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.